

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro : 1 Fr. 50

22-ое МАЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Мирный и умѣренный элементъ въ русскомъ социально-революціонномъ движеніи. — 2) Кіевскіе просвѣтители. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену. — 4) С. И. Бардина. К. — 5) Изъ Подольскаго села. С. Кр. (Корреспонденція «В. Слова»). — 6) Бюрократія и новыя желѣзныя дороги. (Корресп. «В. Слова»). Р. Ф. — 7) Земская Хроника. V. Административно-политическіе вопросы. О. В. — 8) Парижскій рабочий конгрессъ. — 9) Библиографія. Календарь «Народной Воли» на 1883. — 10) Извѣстія и замѣтки: Новый видъ политическихъ арестовъ. — Къ варшавской студ. исторіи. — Дешевое шпіонство. — Изъ Петербурга. — Къ свѣдѣнію объ одесскомъ полг. процессѣ 26-ти. — Изъ Львова. — Новости женева-русской печати. — Поправка. — 11) Отъ редакціи.

ЖЕНЕВА, 22 мая 1883.

Заглавіе настоящей статьи можетъ вызвать улыбку у многихъ читателей консервативнаго лагеря и, пожалуй, негодованіе у иного читателя лагеря революціоннаго. А между тѣмъ оно, смѣемъ думать, намѣчаетъ дѣйствительно существующее явленіе и при томъ на столько важное, что о немъ непременно слѣдуетъ поговорить открыто. Не только умѣренный, но и въ сущности очень мирный элементъ существуетъ не только подъ воинственными девизами, но и за военными дѣйствіями русскихъ революціонеровъ и часто даже, — какъ это съ перваго взгляда ни странно, — самымъ, повидимому, крайнимъ и военнымъ русскимъ социально революціоннымъ фракціямъ, элементъ этотъ гораздо болѣе присущъ, чѣмъ другимъ, менѣе грознымъ по внѣшнему виду.

Мы не считаемъ вполнѣ точною ту схему исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія, которая въ послѣднее время не разъ провозглашалась его представителями на политическихъ процессахъ и въ печати русской и иноязычной, — и которую, благодаря именно ея излишней абсолютности, царскимъ прокурорамъ и офиціознымъ публицистамъ легко было объявлять фальшивою и даже лицемѣрною, — именно будто бы русское социалистическое движеніе начала 70-хъ годовъ было совершенно мирно-пропагандистское и стало революціоннымъ, а потомъ и „террористическимъ“ — уже послѣ, вслѣдствіе правительственныхъ насилій. Противъ такой схемы не трудно выста-

вить достаточное количество „кроваво-революціонныхъ“ фразъ изъ русскихъ социалистическихъ прокламацій и листовъ еще конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, указать на существованіе еще въ 70-е годы кружковъ „бунтарей“, а равно и набрать, хотя бы, напр., изъ бумагъ, захваченныхъ еще при арестахъ 1874 г. или изъ переписки русскихъ эмигрантовъ этого времени, попавшей въ руки прусскихъ властей и выставленной въ берлинскомъ процессѣ 1878 г., — цѣлый рядъ фразъ, изъ которыхъ складывается полный катехизисъ того русскаго „терроризма“, какой сталъ на видный планъ въ послѣдніе годы. Наконецъ, во многихъ изъ тѣхъ книжекъ, съ которыми самые мирные пропагандисты отправились въ народъ въ 1874—1875 гг., было достаточное количество кроваво-революціонныхъ фразъ.

Все это надо признать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ средѣ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ существовала немалочисленная фракція „мирныхъ пропагандистовъ“, исповѣданіе вѣры которыхъ изложено, напр., (и мы думаемъ, что вполнѣ искренно) въ рѣчи Бардиной на процессѣ 50-ти въ 1877 г. Это исповѣданіе, во первыхъ, даже гораздо болѣе дѣлаетъ уступокъ господствующимъ идеямъ (особенно относительно религіи), чѣмъ самый умѣренный социализмъ въ зап. Европѣ, откуда наши социалисты заимствовали свои ученія, — а во вторыхъ, прямо отрицаетъ воззваніе къ бунту.

«Собственности я никогда не отрицала, — говорила русская социальная революціонерка передъ судомъ, — коммунизмъ, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ... Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ Христіанства *)... Въ подрываніи государства я столь же мало виновна. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подрывать государство не могутъ... Къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ... Обвиненіе говорить, что мы желаемъ уничтожить классы, и поднимать это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дво-

*) Подобное отношеніе къ христіанству, весьма перѣдко въ р. социалистическо-народническихъ кругахъ, объясняется, конечно, слабымъ распространеніемъ въ нихъ, какъ вообще въ Россіи, результатовъ европейской науки о религіяхъ, положенія которой на Западѣ успѣли уже просочиться и въ среду рабочихъ.

рянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять такъ недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія раздѣленіе людей на классы, — на имущихъ и неимущихъ, но не самихъ личности, составляющихъ эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такіа свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое въ свою очередь стало-бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству по-стольку, по-скольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ крокодилаго-то и безправственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобныя вопросы гласнымъ образомъ, публично...

(Дальше Бардина отказывается также и отъ заговоровъ (сoup d'état) и является ан-архисткой, толкуя прокурору прудоновское значеніе этого термина).

Всѣ такіа слова свидѣлствуютъ не только о полной мирности стремленій извѣстныхъ лицъ и кружковъ изъ тѣхъ, кто такъ жестоко былъ покаранъ царскими судами (а также жандармами и прокурорами еще до суда), но и о значительной умѣренности ихъ даже теоретическихъ требованій сравнительно съ ихъ западными единомышленниками, которыхъ никакой судъ въ зап. Европѣ не вздумалъ бы показывать даже и послѣ исключительныхъ законовъ Бисмарка, а особенно такъ жестоко показывать.

Мы не будемъ разсчитывать, сколько между арестованными и такъ или иначе затронутыми полиціей молодыми социалистами 1874—75 г. (а такихъ было около 2000) было „мирныхъ пропагандистовъ“, въ родѣ Бардиной. Но несомнѣнно, что ихъ было не мало и что жандармы и прокуроры, вдохновленные приказами ген. Потапова и гр. Палена „арестовать всѣхъ подозрительныхъ людей“, обратили въ социалистовъ и „кровавыхъ революціонеровъ“, не только ихъ, но и всякаго рода коопераціонистовъ на тотъ манеръ, какой появился у насъ въ 60-е годы, и которые, примѣряя на нѣмецкій аршинъ, выходили у насъ своего рода не только лассалланцами, но даже шульце-делицианцами, и которые даже просто хотѣли какъ нибудь, только искренно, служить мужику,

или даже только присмотрѣться къ нему. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, между прочимъ и на основаніи наблюденій надъ лицами, которыя уцѣлѣли отъ полицейскихъ рацій 1874—75 гг., или остались въ Россіи въ народѣ, или, увидѣвъ свою къ тому неприготовленность, возвратились къ продолженію ученія, или къ свободнымъ профессіямъ, или же, уѣхали за-границу и здѣсь ближе присмотрѣлись къ жизни и къ рабочему движенію, не подлежитъ сомнѣнію, говоримъ мы, что если бы знаменитое хожденіе въ народъ русскихъ социалистовъ 1874—75 гг. совершилось при условіяхъ западно-европейскихъ, т. е. осталось безнаказаннымъ, или было даже судимо и наказано по европейскимъ, на такіе случаи, законамъ, то значительная часть людей, которые погибли въ Россіи, или перешли къ террористическимъ теоріямъ и дѣйствіямъ, сами собою обратились бы въ „постепеновцевъ“ въ болѣе или менѣе благородномъ смыслѣ этого слова.

Въ Россіи же вышло иначе. Но интересно прослѣдить въ русскомъ соц. движеніи за тѣмъ, какъ съ одной стороны, родная дѣйствительность, въ видѣ правительства, ожесточала и тѣмъ болѣе революціонировала социалистически настроенную молодежь, — и какъ, съ другой стороны, все таки соприкосновеніе послѣдней съ дѣйствительною жизнію научало молодежь умѣрять свои надежды и требованія отъ настоящей минуты и учило своего рода постепеновщинѣ.

Возмутительно долгое и тяжелое предварительное заключеніе, а потомъ жестокая наказанія, какимъ подвергались арестованные въ 1874—75 гг. социалисты, наконецъ, совершенно незаконныя административныя высылки даже оправданныхъ судомъ, — не могли не раздражить самыхъ мирныхъ пропагандистовъ и должны были прибавить кредита бунтарско-террористическимъ (или, по тогдашнему, револьверническимъ) фракціямъ среди кружковъ, затронутыхъ социальнымъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ аресты 1874—75 гг. повели за собою крушеніе мирныхъ пропагандистовъ и выдвигали элементъ болѣе крайній по его приемамъ, это крушеніе, сопровождавшееся крушеніемъ на русской почвѣ „западнаго социализма“ вообще, даже въ его все таки урѣзанной формѣ, — повело за собою еще большее урѣзываніе или еще большую теоретическую умѣренность въ стремленіяхъ именно бунтарей и народниковъ. Кружки р. соц. революціонеровъ подъ этими именами, воспреобладавшіе послѣ арестовъ 1874—75, уже отвергаютъ „абстрактныя формулы западнаго социализма“, а говорятъ объ „агитированіи народа на почвѣ народныхъ требованій“. Отсюда происходитъ, рядомъ съ бунтарскими пожеланіями, рядъ уступокъ господствующимъ идеямъ и учрежденіямъ, хотя бы сначала для бунтарскихъ цѣлей, — уступокъ, доходившихъ до такихъ даже вещей, какъ чигиринская попытка бунтовать народъ во имя царя, при чемъ бунтари пошли даже противъ дру-

гихъ своихъ товарищей, убѣряя народъ, что царя хотѣли убить баре за его доброжелательность къ народу, — а въ другую сторону — рядъ стремленій, уже совершенно мирныхъ: быть чѣмъ бы то ни было полезнымъ мужикамъ. Направленіе политическое выработалось среди русскихъ социалистовъ-народниковъ сначала чисто-эмпирически*). Но развиваясь дальше въ террористической фракціи, политическое направленіе все болѣе становилось умѣреннымъ въ своихъ теоретическихъ требованіяхъ по части преобразованія общества, особенно преобразованія социального. Изъ этого двойнаго теченія, совершавшагося подъ покровомъ титула: социальные революціонеры, несомнѣнно заимствованнаго у французовъ, и при желаніи внести въ свою среду „дисциплину партіи“, совершенно невозможную при отсутствіи для того условій, т. е. открытой организаціи партіи, — происходили среди русскихъ социалист. революціонеровъ чрезвычайно интересныя пререканія по вопросу объ умѣренности и истинной революціонности разныхъ ихъ фракцій.

Пререканія эти отчасти изображены въ брошюрѣ „А. И. Желябовъ“ на страницахъ (17—18 и 25—26), на которыхъ описаны споры между участниками Воронежскаго и Липецкаго съѣздовъ 1879 года. Тамъ оказалось, что социалисты,

„прожившіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства (усилившіяся вслѣдствіе нѣсколькихъ политическихъ убійствъ), приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ и (что) его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ...“ „Вся деревенская часть съѣзда (Воронежскаго), рассказываетъ авторъ брошюры (очевидно террористъ-политикъ), слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ; нѣкоторые оказались даже вовсе не революціонерами и приводили мысль, что задача партіи — это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія“.

Такая умѣренность и постепенность злила террористовъ, въ родѣ Желябова: „хороши ваши землевольцы! — говорилъ онъ, — и эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ Но съ другой стороны, и социалисты, слушая политическія ереси Желябова, восклицали: „да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ!“ — что на тогдашнемъ языкѣ извѣстныхъ кружковъ значило въ свою очередь: постепенность и нерволюціонерство! И дѣйствительно, террористъ и, слѣдовательно, архи-революціонеръ, — если понимаетъ это слово, въ его обыкновенномъ, военномъ смыслѣ, — Желябовъ былъ по своему постепеновецъ и мечталъ моментальнымъ

*) Это наблюденіе наше, опротестованное въ „Народной Волѣ“ (№ 9), вполне подтверждается разсказами на 16 стр. брошюры „А. И. Желябовъ“ колебаніями первыхъ „террористовъ“ признать „необходимость политической свободы“ и принять на себя кличку „конституціоналистовъ“: „намъ не нужно конституцій, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой, — такими несообразностями отговаривались эти террористы въ своихъ кружкахъ и подобныя несообразности высказывали въ прокламаціи „Смерть за смерть“ по поводу убійства Мезенцева“.

терроромъ создать условія для постепеннаго роста народной партіи изъ умѣренныхъ людей.

„Я знаю, — говорилъ онъ, — много очень умныхъ, энергическихъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей — не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потому, выработавши себѣ крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло, — эти люди уже не передъ чѣмъ не остановятся, ставя тѣми героями, какихъ намъ показываетъ нѣмца сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ“.

Не смотря на предпоследнюю фразу о герояхъ, въ которой видно столько же идеализаціи русскихъ сектантовъ (которые будутъ знамениты въ лѣтописяхъ религиозныхъ движеній именно пассивностію даже своего героизма), сколько и желанія сохранить все таки революціонный, „боевой“, какъ любятъ выражаться р. соц. рева. пресса, — характеръ своей мечты, не трудно видѣть, что Желябовъ представлялъ себѣ возможность развитія социализма въ Россіи только постепеннаго, въ сущности мирнаго.

Изъ послѣдующихъ заявленій р. террористовъ передъ судомъ и даже, — что еще любопытнѣе, — изъ ихъ интимныхъ программъ, видно, что дальнѣйшее развитіе именно „террористической“ фракціи пошло еще радикальнѣе въ этомъ направленіи. Такъ, въ напечатанной на-дняхъ въ „Календарѣ Народной Воли“ запискѣ „Подготовительная работа партіи“ читаемъ такіе строки: „партія должна подготовляться къ возстанію; если же оно, вѣчаянія, окажется излишнимъ (если правительству „дать конституцію“), то тѣмъ лучше: собранныя силы пойдутъ тогда на мирную работу“ (стр. 123).

Всѣ вышеприведенныя выписки изъ вещей, имѣющихъ въ своемъ родѣ думъ-ментальное значеніе, показываютъ, каковы несчастными недоразумѣніями обставлены у насъ вопросъ о т. наз. социально-революціонномъ движеніи и какъ онъ требуетъ еще пересмотра съ возможно объективнымъ, но въ то же время человѣчнымъ къ нему отношеніемъ. Намъ кажется, что однимъ изъ первыхъ приемовъ критики, которая захочетъ добраться до сущности этого движенія въ Россіи, должно быть представленіе въ сторонѣ всякихъ его внѣшнихъ девизовъ и партійныхъ кличекъ все это, какъ и самое стремленіе разныхъ р. соц. рева. кружковъ выдать себя за партію или ея представителей, — все это поверхностно, уже по тому, что не оригинально, а заимствовано изъ странъ, находящихся въ другихъ сравнительно съ Россіей социально-экономическихъ и политическихъ условіяхъ. Мало того: мы даже думаемъ, что при обсужденіи даннаго вопроса надо оставить въ сторонѣ всю почти русскую социально-революционную прессу, — ужъ и потому, что, — какъ выразился или, лучше, проговорился, одинъ изъ ея участниковъ

въ „Общинѣ“, — „пресса въ ранговой лѣстницѣ революціонной преданности (и дѣятельности) едва удостоивалась занять послѣднюю степень“, — и вообще болѣе или менѣе случайна, — а равно и обратить вниманіе не столько на идеи р. социальных революціонеровъ, сколько на ихъ чувства.

Идеи, послѣдовательность ученія школы, принципамъ партіи и т. п. у русскихъ вообще еще не играютъ большаго значенія, въ чемъ, конечно, заключается одна изъ причинъ неустойчивости всякихъ русскихъ дѣлъ и начинаній. Русскіе всякихъ партій и отгѣнковъ все еще характеризуются болѣе всего ихъ чувствами и стремленіями, а не внѣшнею ихъ формулировкой. Самое же характеристическое чувство русской молодежи послѣднихъ десятилѣтій — это чувство стыда за порабощеніе массы народа крѣпостному рабству, невѣжеству и нищетѣ, чувство сознанія себя въ долгу у этой массы, откуда естественно вытекаетъ желаніе чѣмъ либо и поскорѣе заплатить этотъ долгъ. Это чувство, встрѣтившись съ литературнымъ изложеніемъ идей западно-европейскаго социализма, естественно увлеклось послѣднимъ, какъ самую радикальную форму, въ которой это чувство могло воплотиться, а во вторыхъ какъ формулою справедливости, теоретическую правильность которой дѣйствительно трудно и оспорить. Но въ Россіи, — вслѣдствіе, конечно, ея обширности и малонаселенности, опредѣляющихъ всѣ явленія ея экономической жизни, западный социализмъ всегда имѣлъ болѣе этическое, чѣмъ экономическое значеніе, и болѣе своими общими ученіями, чѣмъ ихъ деталями.

Успѣхъ ученій социализма въ Россіи многіе иностранные, какъ и русскіе наблюдатели пробовали объяснять сохраненіемъ въ этой странѣ общиннаго землевладѣнія. И это отчасти вѣрно, такъ какъ сельская община своимъ существованіемъ свѣдѣтельствовала передъ русскими образованными людьми о возможности осуществленія социалистическаго идеала. Но и самая эта община подходитъ къ этому идеалу гораздо болѣе своею юридическою и этическою стороною (право каждого члена міра на землю и обязанность міра заботиться о каждомъ членѣ), нежели экономической. Опять таки, вѣроятно вслѣдствіе простора Россіи, община эта съ ея раздѣломъ участковъ по ревизскимъ душамъ не подходитъ къ коммунизму и даже весьма далека отъ сколько нибудь организованной кооперации; сколько нибудь подходящія къ коммунизму формы земледѣльческаго труда встрѣчаются въ Россіи покамѣстъ только въ немногихъ себріанскихъ спілкахъ и артеляхъ, которыя (замѣчательно!) описаны пока гораздо болѣе въ „индивидуалистической“ подворной Украинѣ, чѣмъ въ общинной Великороссіи. Русское сектанство, о которомъ (по недоразумѣнію) идетъ еще и теперь такъ много толковъ среди р. соц. народниковъ, оказывается при подробномъ и хладнокровномъ наблюдѣніи, поразительно бѣдно коммунистическими элементами, по

сравненію съ нѣмецко-голландскимъ XVI в., Великобританскимъ XVII—XVIII в. и американскимъ XIX ст. Въ самой русской интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ сен-симонизмъ и фурьеризмъ сводился конкретно на стремленія къ освобожденію крестьянъ. Въ 60-е годы, когда, между прочимъ вслѣдствіе подготовки общества пропагандою этихъ русскихъ социалистовъ 30-хъ—40-хъ годовъ, освобожденіе крестьянъ стало практическимъ вопросомъ, социалисты, въ родѣ Герцена и Огарева и даже въ родѣ Чернышевскаго, оставляя въ сторонѣ формулы школьнаго социализма, посвящали всю свою практическую энергію вопросу о выкупѣ крестьянами надѣловъ. Развившіеся съ тѣхъ поръ и въ Россіи фабричная промышленность и пролетаріатъ дали, конечно, и здѣсь болѣе практической почвы для формулъ социализма. Но все таки экономическія условія Россіи еще не подошли къ той степени, чтобъ эти формулы получили здѣсь то же значеніе, какое имѣютъ на Западѣ, и увлеченіе ими молодежи имѣетъ въ Россіи все же преимущественно этическое значеніе, а доктринерство ея въ этомъ отношеніи проистекаетъ главнымъ образомъ отъ невозможности для русской интеллигенціи служить народнымъ массамъ какимъ бы то ни были конкретнымъ способомъ. Невозможность эта — коренится въ политическихъ, или, лучше, полицейскихъ, — такъ какъ иной политики, кромѣ полиціи въ Россіи нѣтъ и при самодержавіи быть не можетъ, — условіяхъ Россійской имперіи. Пусть только установится въ Россіи политическая свобода съ самоуправленіемъ общинъ, уѣздовъ и провинцій, которое дастъ естественные кадры, куда можетъ помѣститься каждый интеллигентный человѣкъ, желающій платить свой долгъ чернорабочимъ массамъ и въ то же время поддерживать свое существованіе трудомъ на ихъ пользу (обѣ эти идеи подробно развиты въ статьѣ „Нѣсколько мыслей по вопросу — что дѣлать“, въ 38 № „Вольнаго Слова“), и социализмъ на долго получитъ въ Россіи то значеніе, которое ему отведено въ словахъ г. Ц. (принадлежащаго къ кругу р. соц. революціонеровъ) въ его статьѣ въ 50 №-рѣ нашей газеты:

«Для людей, заботящихся объ экономическомъ благѣ и обезпеченіи народа въ Россіи, нѣсколько вполне научныхъ истинъ современнаго социализма могутъ служить указателемъ и свѣточемъ будущаго, но свѣточемъ, который долженъ не заслонять современную дѣйствительность, а освѣщать и выяснять ее; съ точки зрѣнія этихъ истинъ и при ихъ помощи можно и должно разрабатывать и разрѣшать отдѣльные назрѣвающие вопросы и нужды современной жизни; но навязывать ихъ жизни, втискивать жизнь въ ихъ рамки и презрительно отворачиваться отъ ея настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ только потому, что она не влѣзаетъ въ рамки нашихъ доктринъ, — значило бы попусту тратить время и вычеркивать себя изъ списка живыхъ».

Кстати же теперь и въ западной Европѣ, съ постановкой вопроса объ образованіи рабочихъ парламентскихъ партій и особенно съ начинающимся выступленіемъ на арену социально-политической борьбы крестьянства, все со-

циалистическое движеніе принимаетъ со-всѣмъ новый видъ и, конечно, въ главномъ своемъ теченіи должно много утратить изъ своего прежняго литературно-школьнаго и ораторско-революціоннаго догматизма. (См. дальше ст. о Парижскомъ рабочемъ конгрессѣ).

Нѣкоторые изъ умныхъ иностранныхъ наблюдателей Россіи подмѣтили одну характеристическую особенность русской интеллигенціи: это ея безпритязательность, готовность взяться за дѣло, не заботясь о его внѣшнихъ формулахъ, о правахъ самихъ работающихъ и т. п. Эту черту замѣтилъ, напр., г. Ан. Леруа — Болѣе въ нашихъ провинціальныхъ земскихъ дѣятеляхъ и выводилъ отсюда возможность для умнаго и честнаго правительствѣ въ Россіи дать провинціямъ самоуправленіе, не боясь даже за существованіе имперскаго самодержавія. Въ значительной степени подобной же безпритязательностью отличается и страшное и доктринерское на видъ русское социально-революціонное движеніе. Повторяемъ, мы видимъ въ подобныхъ чертахъ далеко не добродѣтель, не силу, но слабость русскаго общества, объясняемую его исторіей со времени сокрушенія свободы его городовъ и областей. Но фактъ остается фактомъ, и теперешній русскій человѣкъ все таки характеризуется болѣе намѣреніемъ, направленіемъ его мыслей и дѣйствій, нежели ихъ формулировкой и формою. Такъ и русское соц.-революціонное направленіе, если отбросить его совершенно внѣшнія и при томъ смѣняющіеся съ поразительною легкостью девизы и клички и особенно если взять его въ его общемъ, массовомъ теченіи, а не въ одиночныхъ, хотя бы и болѣе видныхъ, кружкахъ, характеризуется главнымъ образомъ желаніемъ какъ бы то ни было служить мужику, — а самая страшная форма этого движенія, т. наз. терроризмъ (который, какъ показано будетъ въ другой статьѣ настоящаго №-ра, на самомъ дѣлѣ даже совсѣмъ не терроризмъ), въ сущности и есть не что другое, какъ проявленіе страстнаго желанія получить какой бы то ни было просторъ для этой службы, невозможной, какъ оказалось, при царско-чиновническомъ самодержавіи въ Россіи. Каковы бы даже ни были идеи и стремленія центрального кружка, который производилъ извѣстные террористическіе акты, не сомнѣнно, что сочувствіе ему въ массѣ молодежи объясняется главнымъ образомъ вышеупомянутымъ желаніемъ и соотвѣтственными надеждами.

Въ этой своей новѣйшей формѣ русское соц. революціонное движеніе, обнаруживъ безпритязательную готовность поступиться теоретическимъ радикализмомъ своихъ требованій, въ то же время показало значительную практическую притязательность по вопросу о завоеваніи у самодержавія извѣстныхъ основныхъ правъ и гарантій, безъ которыхъ никакая общественная работа не возможна *).

*) Мы проходимъ мимо тѣхъ уступокъ монархическому принципу, которые сдѣлали, если вѣрить извѣстіямъ иностр. корреспондентовъ, а также

стороны, и провинциальные земцы начинают обнаруживать притязательность, убъждались, чѣмъ дальше, все больше, что органическая жизнь въ провинціяхъ, а особенно освобожденіе мѣстнаго самоуправленія отъ путъ бюрократіи и буйствъ полиціи — не мыслимы безъ гарантій самоуправленія государственнаго. Въ распространеніи и энергическомъ заявленіи этой притязательности со стороны земцевъ и лежитъ все спасеніе Россіи и, между прочимъ, отъ него зависитъ и сбереженіе силъ молодежи, естественно впечатлительной къ социально-революционному движению, отъ преждевременной растраты, а равно и утилизированіе въ свое время этихъ силъ и горячихъ стремленій молодежи къ народному благу. Чѣмъ болѣе настойчивой притязательности противъ самодержавія обнаружатъ наши земцы, тѣмъ болѣе сдержанности и умѣренности обнаружатъ радикально и революционно настроенная молодежь и тѣмъ болѣе она будетъ спасена отъ лапъ полиціи, а также отъ притязательности заговорщиковъ по профессіи, которые неизбежно должны появляться во всякихъ обществахъ, гдѣ политическая борьба затягивается на долгое время и ведется подпольнымъ образомъ, и которые неизбежно усваиваютъ себѣ привычки врага, съ которымъ борются, и въ томъ числѣ и его презрѣніе къ стоимости и количеству жертвъ этой борьбы. Русское же правительство въ настоящее время точно подрядилось, какъ породить такихъ заговорщиковъ, такъ и доставить имъ матеріалъ для орудованія въ лицѣ тысячъ молодыхъ людей, обращаемыхъ имъ въ касту исключенныхъ и „незаконныхъ“. Вопросъ объ этомъ матеріалѣ, — который берется изъ самыхъ восприимчивыхъ ко всему доброму молодыхъ людей, возможныхъ лучшихъ слугъ народа и страны, — становится все болѣе жгучимъ, хоть бы, напр., въ виду исключенія въ послѣдніе мѣсяцы нѣсколькихъ сотенъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ виду многочисленныхъ арестовъ, о которыхъ доходятъ до насъ вѣсти изъ всѣхъ большихъ и даже многихъ малыхъ городовъ сѣвера и юга Россіи.

Неужели этотъ вопросъ, — вопросъ дѣтей и будущаго страны, забудутъ представители сословій, земствъ и городовъ — въ чаду коронаціонныхъ празднествъ?!

КІЕВСКІЕ ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Есть въ кіевскомъ университетѣ ветеранъ профессоръ римскаго права г. Митюковъ. Давно одной дошедшей до насъ гектографической рѣчи подсудимаго (которой мы пока не печатаемъ, ожидая другихъ), — нѣкоторые подсудимые послѣдняго петербургскаго процесса. Уступки это объясняются, какъ личными условіями и настроеніемъ каждаго изъ подсудимыхъ, такъ, можетъ быть, исходятъ изъ эмпирическаго народничества, изъ расчета подойти къ настроенію минуты даже въ правительственныхъ кругахъ и склонить и дѣлать работу все же на пользу народа. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти колебанія и тонкіе расчеты воображаемыхъ представителей и вожаковъ «партіи» не имѣютъ большаго значенія относительно массы затронутыхъ движениемъ лицъ, которая въ настоящее время по вопросу объ ограниченіи самодержавія является уже немиримой.

уже отслужилъ онъ срокъ своей службы, давно уже продолжаютъ выбирать его на нѣсколько пятилѣтій послѣ прослуженнаго срока. Выбирали его дѣльцы профессора, ибо г. Митюковъ до послѣдняго времени состоялъ управляющимъ обществомъ взаимнаго кредита (и какое отношеніе римскаго права къ банку?), а дѣльцы профессора слишкомъ близки къ этому обществу по своимъ геополитическимъ интересамъ. Да и бѣлый шаръ г. Митюкова нуженъ былъ дѣльцамъ на всякій случай. Но вотъ съ 1881 года г. Митюковъ оказался полной развалиной, удалился не только отъ банковскаго дѣла, но и пересталъ читать лекціи въ университетѣ, для конхъ приглашенъ доцентъ Казанцевъ. По просту говоря, г. Митюковъ впалъ въ полное слабоуміе, не можетъ не только мыслить, но и свободно ворочать языкомъ, состоитъ теперь на безнадежномъ излеченіи у доктора Подръзана и пныхъ. Тѣмъ не менѣе впаившій въ слабоуміе г. Митюковъ не только получаетъ жалованіе ординарнаго профессора, но и раздѣльную плату за слушаніе лекцій. Такъ и продолжалось цѣлые полтора года, въ продолженіи которыхъ г. Митюковъ лежалъ въ кровати и не былъ ни на одной лекціи. Въ добавокъ къ этому дѣльцы псходатайствовали еще заграничную поѣздку для г. Митюкова; въ поѣздку однако г. Митюковъ не отправился, а деньги взялъ.

По этому поводу поднялся въ совѣтѣ вопросъ, и профессоръ Хандриковъ вошелъ съ особымъ мнѣніемъ. Дѣльцы законопились. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій прочитано было особое мнѣніе г. Хандрикова. Изложившій въ откровенной формѣ всю исторію съ г. Митюковымъ, проф. Хандриковъ высказалъ мнѣніе, что не мѣшало бы совѣту рѣшить нарядить комиссію для освидѣтельствованія умственныхъ способностей г. Митюкова. Скандалъ вышелъ полный. Буря, шумъ, гамъ. Когда темного возобновленія былъ порядокъ, тогда встаетъ г. Шефферъ и проситъ прочитатъ и его отдѣльное мнѣніе. Ректоръ Ренненкампфъ, какъ будто ничего не зная, говоритъ г. Шефферу, что онъ не можетъ допустить чтенія особаго мнѣнія, не представленнаго ректору по крайней мѣрѣ за три дня до совѣта. Впрочемъ, говоритъ г. Ренненкампфъ, университетскій уставъ разрѣшаетъ ректору предложить подобный вопросъ на баллотировку и, если большинство совѣта рѣшитъ читать несмотрѣнное отдѣльное мнѣніе, то оно можетъ быть прочитано. Совѣтъ рѣшаетъ, конечно, большинствомъ голосовъ читать отдѣльное мнѣніе г. Шеффера. Тогда г. Шефферъ вынимаетъ изъ кармана писанный листъ бумаги и начинаетъ читать. «Я до сихъ поръ не зналъ, что въ совѣтѣ можно предлагать свидѣтельствовать умственные способности профессоровъ. Изъ особаго мнѣнія г. Хандрикова я узналъ, что это можно сдѣлать. Въ силу этого, я предлагаю освидѣтельствовать умственные способности проф. Хандрикова, ибо я давно замѣчаю уже, что онъ давно функционируетъ у него ненормально. Вотъ, напр., недавно проф. Хандриковъ напалъ кровельщика для починки крыши обсерваторіи. Разсердившись за что-то на кровельщика, пр. Хандриковъ принялъ лѣстницу и продержалъ кровельщика четыре часа на морозѣ». Г. Хандриковъ взбѣлся, всѣ соскочили

съ мѣстъ. Г. Ренненкампфъ началъ звонить и кричать на г. Шеффера: «какъ вы смѣете читать такіе дерзкіе рѣчи! Я по праву председателя воспрещаю вамъ дальѣйшее чтеніе». «Такъ вы воспрещаете? Я повинуюсь и не продолжаю чтенія, но вся сущность моего особаго мнѣнія заключается въ томъ, что я успѣлъ высказать». Не правда-ли, правъ?

Относительно г. Митюкова скажемъ еще слѣдующее. Этотъ мужъ до сихъ поръ не намечалъ ни одной, кажется, строки. Когда начали подниматься въ совѣтѣ вопросы о г. Митюковѣ — его клеветы достали литографическія записочки г. Митюкова и начали печатать ихъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Напечатать, конечно, сотни полторы страницъ и потомъ при новой баллотировкѣ выставить эти записочки за талантливый научный трудъ. Только, кажется, г. Митюковъ не доживетъ уже до новой баллотировки. Больно старъ и безнадеженъ....

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦІИ «КОЛОКОЛА».

VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену.

Предварительная замѣтка. Помѣщаемыя дальнѣе письма Ч. проливаютъ свѣтъ на печатный турниръ, какой произошелъ на страницахъ «Колокола» въ концѣ 1858 и началѣ 1859 г. и какой въ свое время вызвалъ тѣмъ болѣе волненіе въ образованныхъ кругахъ Россіи, что въ данномъ случаѣ противъ всесильнаго тогда въ этихъ кругахъ авторитета Герцена выступилъ не реакціонеръ, а тоже прогрессистъ и человекъ извѣстный въ литературѣ. Изъ слѣдующихъ дальнѣе писемъ обнаруживается яснѣе, чѣмъ изъ печатной полемики, и поводъ къ полемикѣ, и пункты разногласія и, что особенно интересно, пункты тогдашняго согласія между противниками. Къ тому же вопросы, затронутые полемикой, не потеряли своего практическаго значенія и до сихъ поръ. Такъ какъ «Колоколъ» теперь большая рѣдкость, то мы считаемъ нужнымъ предпослать помѣщаемымъ дальнѣе письмамъ выдержки изъ печатной полемики Г — на съ Ч.

Въ 27 № «Колокола» (1 Ноября 1858 г.) появилась замѣтка, которая могла нѣсколько удивить зауряднаго читателя, но которой, какъ теперь видимъ, предшествовали словесные споры съ авторомъ печат. ниже писемъ представлявшимъ, очевидно, цѣлую фракцію въ тогдашней русск. интеллигенціи. Вотъ почти вся эта замѣтка:

«Нашъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

«Нашъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мнѣмъ Александръ II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

«Нашъ упрекаютъ Славянофилы въ западномъ извращеніи.

«Нашъ упрекаютъ Западники въ славянофильствѣ.

«Нашъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и мяткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ сохъмъ напропастъ — на жаръ.

«На сей разъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему упреку.

«Онъ вызвалъ двумя или тремя признаніями, что мы ош и бл и с, что мы были увлечены; не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошибались и увлекались со всей Россіей, мы не отко-

ишемъ ответственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть последовательны; единство необходимо условие всякой пропаганды; съ насъ въ правъ его требовать. Но принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

«Ити по одной линіи хорошо, когда имѣешь дѣло съ сѣрымъ порядкомъ дѣла, съ последовательнымъ образомъ дѣйствія, — что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно ли было быть последовательнымъ во время прошлаго царствованія?»

«Но мы этого единства не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II; онъ, то плетется освобождениемъ крестьянъ, реформаторомъ, то заступаетъ за николаевскую постройку и грозитъ растоптать два всходящіе ростки»....

«Шаткъ съ въ правительствѣ отразился въ нашихъ статьяхъ. Мы, слѣдуя за шатъ, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь, между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по перемѣнному вѣтру, дующему съ Невы.

«Конечно, тотъ, кто, останавливая надежду и страхъ, молча выжидаетъ результата, тотъ не ошибся. Надгробное слово — исторія, гораздо болѣе предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

«Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, люди произвольные слѣдствія, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ положительной наукѣ, люди обдуманные, точные! — доживаютъ до старости лѣтъ, не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ ни ореограническихъ, ни иныхъ ошибокъ; а люди, брошенные въ борьбу, исходящіе страстной вѣрой и страстными сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ, — много разъ споткнувшись.

«Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи — все отталкивающего, — мы имѣемъ избытокъ основы, страстныя сочувствія, проводившія насъ — отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ, въ нихъ у насъ нѣтъ легкомыслія, нѣтъ колебанія, нѣтъ уступокъ! Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія бесконечно различны, которое изберется... въ этомъ поэтическій капризъ исторіи, — мѣшать ему неучтиво.

«Освобожденіе крестьянъ съ землею — одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ ли это освобожденіе «сверху или снизу» — мы будемъ за него! Освободятъ-ли ихъ крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклятыхъ враговъ освобожденія — мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ-ли себя крестьяне отъ комитетовъ во-первыхъ, а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты — мы первые поздравимъ ихъ братски и также отъ души. Прикажутъ-ли, наконецъ, государь отобрать имѣнія у крамольной аристократіи, а ее выслать — ну, хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву — мы столько-же отъ души скажемъ: «Быть по сему».

«Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, совсѣмъ нѣтъ, — наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

«Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобы крестьяне были освобождены съ землею, то изъ за средствъ спора не поднимаетъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя, такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать, и сочувствуя каждому шагу, согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться, всегда будемъ очень рады, когда «ученые друзья наши» — спокойно сидящіе въ сторожкахъ на берегу, прокричатъ намъ «правдѣ или лѣтѣ» держаться; но мы желали бы, чтобы и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью плывцовъ, нежели намъ плыть... и при томъ такъ далеко отъ берега.

«Изъ за сѣнъ доктрины, какъ изъ за монастырскихъ стѣнъ сполугорыя смотрѣть на тревоженіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... не увлекаютъ другихъ».

Въ 29 № «Колокола» появилось письмо Ч., вызванное этой зачѣткой, — посланное въ «Колоколъ» при 2-мъ изъ дальнѣ идущихъ частныхъ писемъ. Письмо это Г — пѣ напечатать, озаглавивъ его «Обвинительный актъ», и съ предисловіемъ, въ которомъ говоритъ между прочимъ:

«Обвинительное письмо» — печатаемое нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ «Колокола»...

«Тѣ были писаны съ нашей стороны, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно противоположной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія административнаго прогресса, губернистальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительнаго, что мы не ее путями шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обвинителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабщихъ народъ...»

На письмо Ч. слѣдовалъ въ № 32—33 «Колокола» (1 Янв. 1859 г.) отвѣтъ одного извѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя за подписью Русской, котораго имѣть въ виду Ч. въ своемъ четвертомъ письмѣ, къ коему онъ прилагаетъ коллективное письмо къ Русскому; въ томъ же №-рѣ помѣщено и письмо А. Спаранскаго въ защиту Ч.

Изъ этой печатной полемики и до сихъ поръ интересно особенно письмо Ч., — который говоритъ между прочимъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, положеніе наше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи, послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ослѣпъ, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь однакоже къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подъ часть принять благоразумно высказанное мнѣніе... Съ другой стороны народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лекарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Кака я почва для политическаго писателя — правительство, ищущее опоры; народъ, жаждущій гласности!... Въ нашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ.

«Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пишу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?»

«Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы чело-вѣкъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстными сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственные слова. Но неужели это требуется для политической дѣятельности? Я полагаю, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагаю, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагѣ, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что, впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необуданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общест-

венныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разные стороны, а разумъ познающій и созидаящій.

«Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются самою страстью, кишіемъ гнѣва?»

«Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоценнымъ растеніемъ, которое надо заботливо насаждать и терпѣливо дѣлать, какъ лучший даръ общественной жизни. Пусть же это унесется въ роковой борьбѣ, пусть вмѣсто уваженія къ праву и къ закону водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во что бы ни стало нужна цѣль, а какою путемъ она достигнется — безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось — невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ толпы, — вы все подпишете, вы все благословите. Вы не только подпишете, вы считаете даже неприличнымъ отращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ исторіи! Скажите пожалуйста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событий?»

«Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства... То, что вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приносятъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достоинствѣ, успокоивать бунтующія страсти, отращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете... Вы открываете страницю своего журнала безумнымъ воззваніемъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной проніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво... О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія. Спросите у самаго тупаго и законсблага врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его какое отъ нихъ лекарство? У него одинъ отвѣтъ: палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу; мы къ нему не такъ привыкли, но судя по письму, которое вы напечатали въ Колоколѣ, и это средство начинаетъ приобретать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастья своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія, и эти воззванія».

При всѣхъ снмнатіяхъ къ изданію «Колокола», нельзя не сказать, что до сихъ поръ двѣ трети замѣчаній его противника вѣрны. Да, — «гражданскія преобразованія совершаются не одною страстію; — и политическій дѣятель (а такимъ можетъ быть и писатель, — а не одинъ только государственные люди, и такимъ долженъ быть политическій писатель) имѣетъ, т. е. долженъ имѣть въ виду не только цѣль, но и средства! Правъ Ч. и далѣе, когда говоритъ, что «въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ», и не можетъ быть, чтобы, особенно при талантѣ, каковъ былъ у Герцена, да при искренности, которая можетъ быть и у малыхъ талантовъ, — такой журналъ ужъ вовсе не увлекалъ другихъ!»

Но вторая половина письма Ч. въ «Колоколѣ» показываетъ, къ сожалѣнію, что Гер-

ценъ былъ правъ, усмотрѣвъ въ своемъ противникѣ доктринера административнаго прогресса, — каковой доктринеръ самъ тѣмъ болѣе далекъ отъ идеала политическаго дѣятеля, что при политико-административномъ строѣ Россіи нѣтъ никакихъ гарантій, что администрація можетъ быть хоть сколько нибудь прогрессивна и просвѣщенна. А между тѣмъ Ч. совѣтовалъ Г.—пу даже не сообразоваться, а поддѣлываться къ этой администраціи. «Умѣренной осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ, — учить Герцена Ч., — вы могли внушить къ себѣ довѣріе», — не общества, — а «правительства», которое «въ настоящее время вы только пугаете», — и даже доходить до того, — что говорить основателю свободнаго русскаго станка: «у насъ общество должно купить себѣ право (?!!) на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его приучаете?» И послѣ этого Ч. имѣлъ духъ сказать: «намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность».

Ставивъ на такую точку зрѣнія, что общество наше должно еще покупать себѣ право на свободу, да еще у правительства, о которомъ Самаринъ сказалъ вполнѣ вѣрно, что совѣсти ему по штату не полагается, и въ которомъ, по слову г. И. Аксакова, «бѣдный» глава государства могъ принимать мѣры — «съ дуру», — Ч. и его единомышленники стали на наклонную плоскость, которая повела ихъ именно на сторону палки и водворяемаго ею безмолвія во внутренней печати, вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту Г.—на и основать свое свободное слово за-границей, хотя бы для одного того, чтобы отыскать его монополію отъ Г.—на, которымъ гг. Ч. были такъ недовольны.

Палка, — или иначе правительство Александра II, испугавшееся, какъ мы видѣли по матеріаламъ, напечатаннымъ въ предыдущихъ №-ахъ «В. Слова», даже того, что само сдѣлало въ 1861 г., — эта палка, поддерживаемая, между прочимъ, и гг. Ч.—ми, «либералами» (см. 3-е письмо), изъ страха передъ одною возможностью появленія на сцену топора, который, впрочемъ, скромно остался въ мужицкихъ дворахъ, — оказалась вовсе не снисходительною къ «гражданственности и просвѣщенію», а равно и законности. Если «радикалы», отъ которыхъ откровенно отдѣляется себя либераль Ч. (см. 3-е письмо) и вили на себя немного грѣха тѣмъ, что готовы были пожертвовать, — временно, конечно, — гражданственностью и просвѣщеніемъ, въ пользу топора или палки, лишь бы кто нибудь изъ этихъ освободилъ крестьянъ съ землей, — (въ дѣйствительности случилось, вмѣсто топора или высылки крамольной арестократіи на Амуръ къ Муравьеву на мѣсто Бакунина, который такъ бы былъ тому радъ, что царь позволялъ крамольнымъ барамъ-чиновникамъ не казнить даже то Положеніе о кр., которое вышло изъ рукъ ред. коммисіи), — то либералы, въ родѣ Ч., на самомъ дѣлѣ пожертвовали многимъ изъ основъ гражданственности въ пользу палки и фактически измѣнили тому знамени, которое Ч. признавалъ въ 3-мъ печатаемомъ далѣе письмѣ общими ему съ радикалами: «свобода крестьянъ съ землею (конечно, не по Гагаринскому рецензу), свобода совѣсти, свобода отъ цензу-

ры, всеобщая гласность, независимость общественного мнѣнія, гарантіи личности и т. д.».

Во всякомъ случаѣ всѣ эти прекрасныя слова остаются въ Россіи до сихъ поръ словами. Палка гуляетъ надъ ними теперь даже болѣе нагло, чѣмъ когда нибудь.

Гг. Ч. если они не забыли еще знаменн съ этими словами, — если бы они даже были правы, говоря, что радикалы плохо владѣли этимъ знаменемъ и допустили его упасть передъ палкой, — могли бы еще и теперь сами поднять это знамя. Сдѣлать это никогда не поздно, — а теперь это было бы особенно умѣстно, въ виду того, что палка, конечно, появится въ видѣ священныхъ регалій въ коронаціонномъ торжествѣ въ Москвѣ, гдѣ, конечно, будетъ немало «либераловъ» арміи г. Ч.

М. Д.

1) Парижъ 11 Октября (1858)

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ.

Я обѣщалъ увѣдомить васъ на счетъ посланки. Теперь я переслать ничего не могу, но какъ скоро откроется случай, такъ дамъ вамъ знать. Жаль, что мнѣ не пришлось въ голову адресоваться къ вамъ прямо изъ Остенде. Тамъ была отличная окказія, какой не скоро дождешься. Впрочемъ, приготовьте; можетъ статься, что случай откроется неожиданно.

Что скажете вы о рѣчахъ государя? Отлично*). Вамъ придется опять принести покаяніе, а частыя покаянія очень вредны. Вы видите, что вопросъ преслѣдуется съ такою твердостью, какой даже нельзя было ожидать, а вы еще недавно провозглашали, что онъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Говорю вамъ отъ искренняго участія: не будьте истеричливы и, сохраняя полную самостоятельность въ выраженіи мнѣній, умѣйте тонъ, иногда слишкомъ запальчивый. Мнѣ кажется, это будетъ къ лучшему. Серьезный журналъ долженъ прежде всего стараться избѣжать упрека въ легкомысліи. А какое дѣйствіе должна произвести въ Россіи гласность, данная рѣчамъ? Щелчекъ Москвѣ и московскому дворянству, о которомъ трубить по всему міру — да это дѣло неслыханное**) Это несравненно больше, чѣмъ самыя извѣстныя нападки.

Скажу вамъ еще, что какъ только я вступилъ на французскую почву, я былъ пораженъ паружностью работниковъ, и въ Парижѣ всякій день ими люблюсь. Я нигдѣ такихъ работниковъ не видалъ. Они ходятъ гордо и смѣло; здѣсь на улицахъ блуза мѣшается съ чернымъ скруткомъ, какъ равная, и если взглянешь на умныя и энергическія выраженія этихъ лицъ, то невольно подозреваешь въ нихъ настоящихъ или по крайней мѣрѣ будущихъ влѣстителей страны. Когда я сравниваю ихъ съ тѣми типами, которые встрѣчаются въ Лондонѣ, то еще менѣе понимаю васъ и другихъ, которые говорятъ о

*) Къ дворянамъ о крестьянскомъ вопросѣ во время поѣздки по Россіи. М. Д.

**) Александръ II заявилъ моск. дворянству свое неудовольствіе по поводу замедленія его отвѣта на рескрипты, которые поставили официально вопросъ объ «улучшеніи быта крестьянъ». Медленность эту поощрялъ ген.-губ. Закревскій, который и послѣ «щелчка» остался на мѣстѣ. М. Д.

паденіи Франціи и превозносятъ Англію. Страна, въ которой есть такой народъ, не близка къ паденію.

Прощайте, жму вамъ руку и кланяюсь Огареву.

2) Парижъ 11 Ноября.

Вы бросили перчатку, я долженъ ее принять, высказать вамъ все напрямикъ. Вотъ вамъ статья, которую прошу васъ при первой возможности напечатать въ «Колоколѣ». Я подписалъ ее начальной буквой своей фамиліи и хотѣлъ даже выставить полное имя, но мнѣ отсовѣтовали: говорятъ, что въ напемъ миломъ обществѣ всякій актъ рѣшимости будетъ перетолкованъ чортъ знаетъ въ какую сторону. Пусть такъ! а мнѣ, признаюсь, хотѣлось заявить публично, что по крайней мѣрѣ часть русской литературы не сочувствуетъ вашему направленію. Насъ раздѣляетъ, какъ я сказалъ въ статьѣ, вещь, которая, можетъ быть, важнѣе всѣхъ прочихъ: политическій темпераментъ. Я объ этомъ догадывался съ самаго начала, а теперь совершенно въ этомъ убѣдился.

Можетъ быть напечатаніе этого письма будетъ вамъ не совсѣмъ пріятно, но что же дѣлать? Noblesse oblige. Я бы къ вамъ и не обратился, еслибы у насъ былъ другой органъ. Вы поймете, что я долженъ былъ всею силою выступить противъ направленія, которое я во многихъ отношеніяхъ считаю вреднымъ. Притомъ же въ своей статьѣ съ такимъ презрѣніемъ отозвался объ насъ грѣшныхъ, что вы, надѣюсь, въ свою очередь, не будете сердиться за рѣзкость моихъ выраженій. Могу васъ увѣрить, что лично мое уваженіе къ вамъ остается неприкосновеннымъ; мнѣ было бы очень больно, если бы политическая полемика повела къ личному неудовольствію. Поэтому я желаю бы, кромѣ печатнаго отвѣта, который, вѣроятно, не замедлитъ, получить отъ васъ слова два письменно съ извѣщеніемъ, что статья до васъ дошла.

3) Ницца 30 Ноября.

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, вчера только я пріѣхалъ въ Ниццу и получилъ Ваше письмо. Между нами вышло одно недоразумѣніе, которое я не могу не отстранить. Я никогда не сомнѣвался, что вы помѣстите статью: то, что я писалъ къ Вамъ по этому поводу, относится не къ Вамъ, а ко мнѣ. Мнѣ непріятно было послать къ Вамъ статью, направленную противъ васъ, и по этому только я охотно помѣстилъ бы ее въ другомъ журналѣ, если бы онъ существовалъ. Вы же, я увѣренъ, напечатаете все. Сознателью также о словѣ «пуфъ», которое Васъ оскорбило. Опять же оно относится не къ Вамъ. Я хотѣлъ сказать, что сочиняются они въ Россіи, а до Васъ только доходитъ, а вы не имѣете возможности ихъ проверить. Другого я не разумѣлъ и не думалъ, чтобы это можно было иначе понять. Если, нечаянія, лнсть 1 Декабря опоздаетъ, прошу Васъ убѣдительно замѣнить это несчастное и неудачное слово выраженіемъ: «долѣтельная до васъ сидения, которую вы, разумѣется, не имѣли возможности проверить». Что же касается до тона всей статьи, то могу сказать Вамъ только одно: перечтите хладнокровно свою собственную статейку и, положивъ руку

на сердце, скажите: могъ ли я отвѣчать иначе? Я опять увѣренъ, что вы скажете: нѣтъ. Признаюсь, я даже нѣсколько былъ удивленъ. Васъ упрекали въ разговорахъ, о которыхъ читатели судить не могутъ. Какое же право имѣли вы называть насъ публично людьми, годными только для составленія описей и т. п.? Но я не стану объ этомъ говорить; оно уже понятно, что вина не на моей сторонѣ.

Наконецъ, въ заключеніе вы правы: мы офицеры, стоящіе въ различныхъ арміяхъ. Только вотъ что знать любопытно: зная у обѣихъ армій одно: свобода, цѣль одна — освобожденіе крестьянъ съ землею, свобода совѣсти, свобода отъ цензуры, всеобщая гласность, независимость общественнаго мнѣнія, гарантіи личности и т. д. Стало быть, почва, на которой мы стоимъ, одна, а между тѣмъ мы глубоко раздѣлены и раздѣлены тактикой. Каждая армія считаетъ маневры другой вредными для общаго дѣла. Тутъ что нибудь да не такъ, а въ чемъ дѣло — это окажется, вѣроятно, впоследствии. Можетъ быть тутъ открывается различіе между либерализмомъ и радикализмомъ, можетъ быть, и что нибудь другое. Во всякомъ случаѣ это явленіе грустное. При шаткости нашего правительства, общественное мнѣніе, разумное, стойкое, единое, могло бы получить странное вліяніе. А мы къ несчастію все тянемъ врозь. На каждомъ шагѣ повторяется то, въ чемъ я давно убѣжденъ: у насъ общество не приготовлено къ дѣйствію. Во многихъ отношеніяхъ оно даже хуже правительства; а потому мы не въ правѣ слишкомъ сильно нападать на правительство. Надобно сначала выпустить брѣвню изъ собственнаго глаза, надобно научиться дѣйствовать самими, а не требовать всего отъ другихъ.

Прощайте, крѣпко жму вамъ руку, вы поймете, надѣюсь, что я дѣлаю это отъ искреннаго сердца и не отнимете своей.

4) Ницца 13 25 Февраля 59.

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, посылаю Вамъ полученное мною письмо или, лучше сказать, строгій выговоръ за письмо мое въ «Колоколъ». Вы найдете здѣсь имена людей, которые хотѣли выразить Вамъ свое участіе, которыхъ сочувствіемъ Вы, безъ сомнѣнія, дорожите. Жалѣю объ одномъ: что совѣсть запрещаетъ мнѣ подписаться подъ этотъ документъ. Если бы письмо, напечатанное въ «К.» было выраженіемъ только личнаго моего мнѣнія, то я охотно призналъ бы себя неправымъ и созналъ бы свою ошибку. Но я получилъ столько же, если не больше, отзывовъ одобрительныхъ отъ людей, которыхъ я уважаю. Мнѣ пишутъ, что и въ Россіи проносятся объ этомъ споры и многіе раздѣляются на двѣ стороны. Что же это значитъ? Отчасти я думаю, что это выраженіе двухъ направленій и считаю полезнымъ все, что способствуетъ выясненію мысли. Но съ другой стороны у насъ мнѣніи еще до такой степени шатки, у насъ такое отсутствіе политической мысли, что разногласіе можетъ быть также произведеніемъ чисто случайныхъ впечатлѣній. Издали этого не разберешь; надобно быть на мѣстѣ, чтобы что нибудь разсмотрѣть въ этой путаницѣ. Вообще Россія — хаосъ, теперь болѣе, нежели когда либо. Ваше дѣло — взвѣсить

различные отзывы и вывести изъ нихъ для себя руководящую нить. Я выставилъ Вамъ одну сторону, — правда, весьма недостаточно; можетъ быть, когда нибудь придется высказать свое воззрѣніе полнѣе и отчетливѣе. Теперь у васъ передъ глазами другая сторона. Выберите, какъ знаете; въ этомъ одна ваша совѣсть можетъ дать вамъ благой совѣтъ. Желаю только, чтобы онъ послужилъ къ пользѣ Россіи. Жму крѣпко Вамъ руку. Кланяюсь Огареву.

Приведу примѣръ, до какой степени у насъ направленія неопредѣленны. Мельгуновъ писалъ Вамъ, что я — авторъ письма въ первой книжкѣ Голосовъ изъ Россіи. Объ этомъ мы съ Вами переговоримъ при свиданіи. Надобно знать исторію этого письма, чтобы извинить то, что могло показаться Вамъ въ немъ оскорбительнымъ. Теперь же скажу Вамъ только одно: половину письма писалъ NN (Русской) и я воздерживалъ слѣпкомъ вѣроподобныя изліянія. Вотъ и судите!

Прошу васъ также возвратить мнѣ письмо при будущемъ свиданіи. Это историческій документъ, который я буду хранить, ибо онъ адресованъ ко мнѣ. Вамъ же, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно оставить у себя копию.

Вотъ копія письма, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь:

М. Г. N. N. Позвольте выразить Вамъ наше полное сочувствіе къ Вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму Г—на Ч., помѣщенному въ 29 №-рѣ «Колокола».

Подписано семью извѣстными именами, изъ которыхъ первое принадлежит покойному пр. И. Бабету.

Письмами Ч. мы охватываемъ извѣстный цѣльный кругъ выдержекъ изъ бумагъ редакціи «Колокола», принадлежащей ко времени пробужденія русскаго общества въ эпоху крестьянской реформы. Дальнѣйшія, — по нашему мнѣнію, не менѣе интересныя, бумаги относятся къ позднѣйшимъ временамъ: польскаго возстанія 1862—1864 гг. и усилія реакціи, — плановъ Герцена и Огарева, съ одной стороны, и Бакунина, съ другой, относительно продолженія оппозиціонной и революціонной агитаціи, — опытовъ послѣдней агитаціи Бакунина съ Нечаевымъ и отдѣльно и т. п. Но печатаніе этихъ бумагъ, равно, какъ и полное изданіе писемъ къ Герцену извѣстныхъ дѣятелей 30—40-хъ годовъ (Полскаго, Бѣлинскаго, Грановскаго и др.) мы принуждены отложить на нѣкоторое время.

Пока, въ напечатанныхъ у насъ письмахъ читатель видѣлъ цѣлый рядъ типовъ изъ міра русскаго общественнаго движенія 1857—1861 гг.: деспота-радикала и радикала съ надеждами на деспотизмъ, либеральныхъ: чиновниковъ, писателей-западниковъ и славянофиловъ, наконецъ, умѣренного либерала съ надеждами на администрацію. При всѣхъ различіяхъ, почти всѣмъ этимъ типамъ были тогда общи желанія не только послѣдовательности и законности во внутренней политикѣ, но и идеи о свободѣ, но крайней мѣрѣ личной, съ ея проявленіями въ свободѣ совѣсти, слова и т. п. Всѣ эти желанія остались неисполненными, конечно, благодаря — самодержав-

вію. Понимаютъ ли это теперь представители всѣхъ упомянутыхъ типовъ, если не тѣ самыя личности, отъ которыхъ исходили напечатанные у насъ документы? М. Д.

С. И. БАРДИНА *).

Въ ночь съ 25 на 26 апрѣля въ женевской больницѣ, послѣ мучительной двѣнадцатипневной агоніи, умерла Софія Илларионовна Бардина отъ раны, нанесенной самой собою выстрѣломъ изъ револьвера. Въ воскресенье, 29 апрѣля, она была похоронена товарищами.

Немногочисленны и коротки были рѣчи, произнесенныя на ея могилѣ: бывають минуты такой нравственной подавленности, такой глубокой тоски, когда рѣчи не идутъ на умъ, когда слово стынетъ на устахъ, прячется куда-то въ глубь души, точно стыдятся своей жалкой блѣдности...

Шесть лѣтъ, шесть лучшихъ лѣтъ жизни провела она въ тюрьмѣ и сибирской ссылкѣ, еще болѣе ужасной, чѣмъ тюрьма. И когда мы привыкли уже считать ее заживо погребенною, подобно сотнямъ другихъ нашихъ мучениковъ, — когда мы думали уже, что у насъ осталось только ея имя, громкое, прославленное имя, котораго не могли изгладить изъ памяти всей мыслящей Россіи громъ послѣдующихъ событій — она вдругъ вырывается изъ рукъ своихъ мучителей, она преодолеваетъ всѣ трудности огромнаго пути, она счастливо избѣгаетъ тысячи опасностей — и все это за тѣмъ, чтобы, прибывъ въ страну, гдѣ уже никто не могъ ее настигнуть, покончить всѣ счеты съ жизнью однимъ выстрѣломъ...

Ужасный исходъ! Разсудокъ, подавленный трагическимъ событіемъ, не въ силахъ слѣдить логическую цѣпь причинъ и слѣдствій и катастрофа кажется чѣмъ то невѣроятнымъ. Въ опустѣлой головѣ звучитъ только рядъ мучительныхъ вопросовъ, на которые отвѣчаетъ лишь тупая боль.

А между тѣмъ отвѣчать необходимо. Роковой вопросъ стоитъ передъ глазами и совѣстью и неотвязно требуетъ отвѣта:

Что побудило эту женщину поднять на себя руку въ ту минуту, когда ей, казалось, улыбалась заря новой жизни?

Вотъ вопросъ, который задастъ себѣ всякій до кого дошла печальная вѣсть. — Отвѣтомъ на него послужитъ повѣсть о страдальческой жизни этой женщины. — Попробуемъ же рассказать что знаемъ о ней съ той правдивостью, какую налагаетъ на насъ память о ней.

С. И. Бардина родилась въ 1853 г. въ г. Моршанскѣ, Тамбовской губ. Свѣдѣнія наши о ея дѣтскихъ годахъ, къ сожалѣнію, очень ограничены. Знаемъ только, что отецъ ея былъ частнымъ приставомъ и отличался

*) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

Многоуважаемый г. Редакторъ!

Сочувствіе личности и дѣятельности С. И. Бардиной, не разъ выраженное Вашимъ органомъ, дастъ мнѣ увѣренность, что Вы не откажете въ гостепріимствѣ моимъ бѣглымъ замѣткамъ о ней, не смотря на то, что, быть можетъ, несогласія между нами въ оцѣнкѣ разныхъ явленій нашей революціонной жизни проскользнутъ кое-гдѣ въ моемъ очеркѣ: почтѣть память товарища — дѣло, стоящее выше частныхъ политическихъ разногласій!

крутымъ, деспотическимъ правомъ, хотя въ душѣ былъ человекъ вовсе не злой и — большая рѣдкость между полицейскими чиновниками — честный. — Мать свою Бардина очень любила, никогда не прекращала съ нею сношеній и единственное письмо, оставленное ею послѣ себя, адресовано матери. Это была женщина очень мягкая и добрая, кажется, изъ купеческой семьи, поглощенная хозяйствомъ и дѣтьми, боявшаяся какъ огня мужа, котораго звала не иначе, какъ по имени и отчеству, что не мѣшало ей, переживавши бурю, заставлять его дѣлать многое по своему. — Благодаря такой тактикѣ, семейная жизнь шла спосово и, если маленькая Соня не могла похвастаться тщательностью своего домашнего воспитанія, за то она не видѣла ничего способнаго развратить молодую душу.

Очень рано Соня была отдана въ институтъ — кажется, Тамбовскій — и кончила курсъ съ «шифромъ» — высшей наградой за усѣхъ. Въ 1871 году она пріѣзжаетъ въ Москву съ цѣлью продолжать свое образованіе. Здѣсь она сталкивается со студентами и знакомится впервые съ революціонными и социалистическими идеями, которыя уже начинають сильно распространяться среди молодежи. То были времена всеобщаго хаотическаго броженія, предшествовавшаго массовому социалистическому движенію 73 — 74 годовъ, когда назрѣвшія силы только еще искали безсознательно выхода. Каракозовскіе погромы, снесшіе все, что было живаго и смѣлаго въ молодежи, успѣли забыться; раны, ими нанесенныя, успѣли зажить. Подросло новое поколѣніе, которое хотя совершенно утратило революціонную традицію и связь съ дѣятелями 63-хъ и 66-хъ годовъ, однако подъ вліяніемъ естественнаго недовольства окружающимъ настраивалось рѣзко оппозиціонно, жадно прислушивалось ко всякимъ новшествамъ и готово было броситься къ первой брени и даже щели, откуда блеснетъ лучъ свѣта. Революціонныя стремленія, возникавшія при такомъ настроеніи путемъ самопроизвольнаго зарожденія; общій глухой протестъ подавленной мысли; послѣдніе отголоски инсаревского «нигилизма» съ его культъ естественныхъ наукъ и «женскаго вопроса» — все это сливалось въ одно безпорядочное, но живое и бурливое теченіе, которое каждаго куда-то влекло, куда-то толкало, суля впереди что-то хорошее, разумное. — Повальное стремленіе русской молодежи обоего пола въ Швейцарію, за границу, гдѣ представлялась полная возможность удовлетворить и правдоискательству и жаждѣ профессиональнаго образованія, было однимъ изъ проявленій этого настроенія.

Имъ увлекалась и Бардина и сестры Любатовичъ, съ будущія подруги по кружку и процессу, съ которыми она познакомилась въ Москвѣ. Всѣ трое рѣшились ѣхать въ Цюрихъ, начинавшій уже входить въ славу, и въ концѣ года онѣ уже были въ этомъ городѣ, котораго не покидали до юлія 1873.

То была эпоха наиболѣе кипучей политической жизни среди русской колоніи, сдѣлавшей этотъ мирный швейцарскій городокъ ареной буйныхъ политическихъ турнировъ. Однако рядомъ съ комическими бурями въ стаканахъ воды и распрями, порождаемыми запальчивостью кружковъ, искренно вѣрив-

шихъ, что въ ихъ рукахъ судьба Россіи — здѣсь шла серьезная работа умственного и нравственнаго воспитанія значительной массы русской молодежи, которая привезла съ собою изъ Россіи и чуткость къ общественнымъ вопросамъ и оппозиціонную заправку русского студенчества. — Кружки самообразованія, никогда не переводившіеся въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и особенно распространенные въ 70—71 годахъ, когда социализмъ и революція находились въ своемъ теоретическомъ, можно сказать инкубационномъ періодѣ, — разумѣется, стали заводиться и здѣсь. Но только въ Швейцаріи вліяніе ихъ было безъ всякаго сравненія интенсивнѣе и глубже, такъ какъ они имѣли возможность не только черпать полными горстями сокровища европейской мысли, которыя въ Россіи приходилось собирать по крохамъ, но и видѣли непосредственно то живое общественное движеніе, о которомъ въ Россію доходили только отголоски.

Одинъ изъ такихъ самообразовательныхъ кружковъ, состоявшій исключительно изъ женщинъ, появившихся въ результатѣ почти поголовно на скамьѣ подсудимыхъ въ процессѣ 50, собрался около С. И. Бардиной. Большинству этихъ дѣвушекъ едва минуло тогда 17—18 лѣтъ, и Бардина, будучи нѣсколькими годами старше своихъ подругъ и соответственно образованнѣе, естественно заняла въ кружкѣ мѣсто руководительницы, коповода. Впрочемъ, не однимъ знаніемъ и возрасту обязана она была своей ролью: кто видѣлъ Софію Илларионовну лишь въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни, убитую, подавленную, тотъ не имѣетъ понятія объ этой бойкой, энергичной, остроумной дѣвушкѣ, отъ которой такъ и брызгало жизнью и весельемъ. Скучать въ ея присутствіи было невозможно. Въ ея рѣчи было столько ума, тонкой насмѣшки и наблюдательности, что она очаровывала невольныя слушателей и становилась душою общества, куда только имъ попадала.

Люди очень дорого платятъ за даримое имъ веселье, и потому Бардина была всеобщей любимницей: ее любили люди самыхъ противоположныхъ, безъ различія пола и возраста, начиная отъ дѣда Любатовичей, стараго серба, потерявшаго счетъ своимъ годамъ, и кончая съ товарищами по университету — французскими и нѣмецкими студентами, которые до сихъ поръ такъ пугливо сторонятся отъ русскихъ студентокъ. — Мы не говоримъ уже о ея подругахъ по кружку, знавшихъ ее близко и имѣвшихъ, разумѣется, еще много другихъ причинъ любить ее, кромѣ ея пріятнаго характера.

Здѣсь, впрочемъ, нужно указать на одну характерную особенность ихъ взаимныхъ отношеній: въ средѣ будущихъ «москвитокъ» (какъ зовутъ между собою социалеты женщинъ московскаго процесса) преобладали особый видъ дружбы, который можно назвать пансіонск о й, потому что она отличалась такой исключительностью и экзальтированностью, какія обыкновенно встрѣчаются только между юными пансіонерками. Не то, чтобы эти дѣвушки были ужъ до такой степени юны: нѣкоторымъ было уже лѣтъ по двадцати. Но масса новыхъ, неизвѣданныхъ и глубокихъ ощущеній, нахлынувшихъ на эти молодыя впечатлительныя души, была слишкомъ велика, чтобы та-

ниться въ собственной груди. Отсюда потребность въ интимной дружбѣ, которая при общій экзальтаціи, вызванной такимъ глубокимъ нравственнымъ переломомъ, — естественно принимала тотъ отбѣнокъ восторженности и исключительности, который заставлялъ бы улыбнуться болѣе спокойнаго наблюдателя.

Такимъ именно и была Бардина. Ея трезвый, насмѣшливый умъ не выносилъ никакой сантиментальности, а строгое критическое отношеніе къ себѣ и къ другимъ не допускало той безмысленной идеализаціи, которая служила основой великой чересчуръ экзальтированной дружбѣ. Бардина казалась гораздо старше, серьезнѣе своихъ лѣтъ среди этой зеленой молодежи, относившейся къ ней по этому съ отбѣнкомъ почтительности. Въ кружкѣ у нея не было спеціального друга, потому что она распредѣляла свою привязанность справедливо и потому равномерно, что конечно должно было только способствовать ея общему вліянію на кружокъ. Однако съ двумя изъ своихъ подругъ она сошлась ближе, тѣмѣе, чѣмъ съ прочими — это были Лидія Финцеръ и въ особенности Бетя Каминская, ея «любимцы», какъ ихъ называли въ кружкѣ.

Характеренъ этотъ выборъ. Какъ Бетя, страстная порывистая южанка, намогнившая своей экзальтаціей среднѣвѣковыхъ пророчицъ, такъ и Лидія, натура тихая, ровная, терпимая — обѣ онѣ были самыми чистыми воплощеніемъ того типа идеальныхъ, безгранично любящихъ и самоотверженныхъ женщинъ, который такъ часто вдохновлялъ себою поэтовъ и романистовъ. Казалось трудно было подыскать контрасты болѣе полныя чѣмъ между Бардиной и ея пріятельницами. А между тѣмъ, какъ это всегда бываетъ между близкими друзьями, при всемъ изъ вышнемъ различіи онѣ въ сущности имѣли между собою много общаго. Одна изъ нихъ — Каминская — вѣдь и кончила, подобно Бардиной, самоубійствомъ и при томъ подъ вліяніемъ весьма сходныхъ, чисто идейныхъ, мотивовъ; у обѣихъ служеніе извѣстнымъ идеаламъ было насущною потребностью, помысломъ которой жизнь теряла всякій смыслъ; у обѣихъ основой характера была строгая правда и прямота по отношенію къ себѣ и своимъ обязанностямъ, — съ тою только разницею, что у одной это вытекало непосредственно изъ нѣжной любвеобильной натуры, тогда какъ у другой это вылилось въ болѣе строгую форму сознательныхъ нравственныхъ обязательствъ предъ собственной совѣстью, какъ это бывало у людей мысли по преимуществу.

Это-то преобладаніе мысли или по крайней мѣрѣ постоянное присутствіе ея, какъ контролирующаго и регулирующаго начала, и дѣлало Бардину такимъ полезнымъ членомъ среди этой чересчуръ уже горячей и увлекающейся молодежи.

Рѣшеніе ѣхать въ Россію съ цѣлью пропаганды одумевлявшихъ ихъ идей было принято кружкомъ весьма скоро, можно сказать, на другой день послѣ его основанія, и не было недостатка въ горячихъ головахъ, какъ сестры Любатовичъ и Каминская, которыя бы агитировали за то, чтобы ѣхать тотчасъ же и приниматься за работу, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Бардина настаивала

на необходимости более серьезной теоретической и профессиональной подготовки к предстоящей деятельности. Она очень усердно работала в обоих направлениях: много читала сама, составляла «рефераты», как это водится в самообразовательных кружках, и вместе с тем усердно следила за своими лекциями сперва в политехникуме, где между прочим выдержала из первых переходный экзамен, а потом в университете, куда перешла на медицинский факультет, решив, что профессия врача удобнее, чтобы «пристриться» в среде народа.

Однако курса кончить ей не удалось. Известно, что в июле 1873 г. состоялось грязное и нелюбое «правительственное распоряжение», по которому всем учащимся в Цюрихские женские училища предписывалось немедленно оставить этот ужасный город, под страхом гражданского отлучения. — Так как социалистическая молодежь вовсе не желала давать битву правительству на почве свободы обучения, то решено было исполнить его приказание. Часть будущих «московок» прямо поехала в Россию; другая сделала попытку кончить курс в других европейских университетах, куда по точному смыслу распоряжения поступление не возбранялось. Бардина вместе со многими другими студентками поехала в Париж. Но русский посланник, граф Орлов, не постыдился своими закупленными инсинуациями лишить русских девушек права, которого правительство не рвалось отнять у них явно. Двери парижского университета были закрыты перед бывшими цюрихскими студентками. Бардина собирает последние крохи и перебирается в Женеву и здесь проходит в несколько месяцев курс акушерства, чтобы проехать в Россию хоть с какойнибудь профессией в руках.

В 1874 году бременносельская коммуна (как звали ее по дому, занимаемому ею в Цюрихе) собралась в полном своем составе в первопрестольной столице уже в качестве тайного общества, соединившись с членами кружком кавказцев, между которыми наиболее известны Зданович, Цицианов, Жебадар и др.

В огне быстро жуют бойцы. Цюрихские мечтательницы и идеалистки в жгучей атмосфере родины в несколько месяцев превращаются в выдержанных, стойких, искусных заговорщиц. Они вырабатывают широкий и стройный план активной организации — первый серьезный опыт в этом роде в последний фазис движения, так как предыдущие тайные общества этого периода, так наз. «долгунинцы» и «чайковцы» не вышли из аморфного состояния кружков. — Они осуществляют с большим успехом первую часть своей программы, заведя пропагандистские кружки в четырех рабочих центрах, так как по плану организации — воплотить рациональному и практичному — надлежало образовать сперва революционные кадры из городских рабочих, более доступных пропаганде, чтобы потом вместе с ними двинуться в деревни.

Мы не имеем подробных сведений о непосредственной роли самой Бардиной в этой внутренней работе. Надеемся, что ее товарищи по кружку попомянут этот пробел.

Несомненно только, что и здесь деятельность ее должна была быть из наиболее видных, потому что те качества, которыми она была обязана своим исключительным влиянием в цюрихской коммуны, — зрелость мысли, более трезвое отношение к жизни, известная доза практичности, — должны были получить свою настоящую цену именно теперь.

Но о ее деятельности, как пропагандистки, нам известны некоторые интересные подробности. На этом поприще Бардина обнаружилась замечательная способность и имела такой успех, как ни один из членов ее организации.

Известно, что почти все женщины будущего процесса лигидеситы: обе сестры Люботович, Фигнер, Хоржевская, Каминская, а также и Бардина, разделились по фабрикам в качестве простых работниц, так как в силу увлечения пародичеством считалось чуть не измной занять привилегированное положение, хотя бы самое скромное, избавлявшее от необходимости «дѣлать с народом его страдания». — Условие, при которых приходилось вести свою пропаганду этим подвижницам, были по истине ужасны. Девушки, привыкшие к барской обстановке, к чистоте и комфорту, должны были работать буквально по 15 часов в день, при отвратительной пище, состоявшей из ломтя плохо выпеченного хлеба и жидкой болтушки с мочалами вместо говядины, чѣм кормят своих рабочих московские фабричные тузы вроде братьев Носовых, Лазаревых и др. Каминская, так та совсем не могла жечь этой пищи и довольствовалась тем, что обгрызала хлебные корки.

Рабочие выпускались на свободу только раз в неделю и потому ночевать приходилось на фабрике же в общих спальнях, где каждой работнице отводилось узенькое место на полках, расположенных в нескольких ярусах, очень тесно, так что зимою при закрытых окнах голова кружилась от духоты и вони. Постелью служил грязный сѣнник и такая же подушка, разумеется без всяких признаков бѣлы. Количество же паразитов — блох, вшей и в особенности клопов — было таково, что все углы и щели просто кишели ими, а по ночам они расплозились по всем направлениям, грызли тѣло, падали с потолка на голову, так что в первые дни от первого раздражения невозможно было уснуть всю ночь, несмотря на смертельную усталость.

И все это выносилось, для того чтобы, после пятнадцати часов безмысленного и отупляющего «чесания» чегонибудь, перебирая вонючих тряпок и т. п., иметь возможность раза два-три в неделю поговорить в течение десяти минут с засыпающим от усталости рабочим о народ и его страданиях, о тяжести податей, о кровопийстве кулаков и чиновников. Но всего хуже было то, что женщины не имели даже утешения доступного мужчинам, ставшим в подобное положение: они не могли сказать, что рабочие относятся за то к ним, как своему брату, и слушают их проповедь без всякого предубеждения, потому что рабочие относились к ним, как к

существом низшим, а на их попытки завести умные разговоры отвечали обыкновенно сальностями или насмешками.

Таким образом общее положение о необходимости для пропаганды становиться неизменно простым рабочим, будучи весьма мало практичным в применении к мужчинам, становилось просто нелюбым в применении к женщинам. — И однако же даже при таких невозможных условиях все же московским пропагандисткам, в том числе и наименее искусным, удалось кое-что сделать, что самым убедительным образом доказывает конечно не разумность или применимость этого пути, а крайнюю восприимчивость русских крестьян и фабричных к социалистической пропаганде и возможность самого широкого ее развития при иных условиях.

Успехе других оказалась, как мы сказали, деятельность Бардиной, поступившей под именем Анны Зайцевой на фабрику Лазаревых. Так как женщины работали отдельно от мужчин, то она начала с того, что обратилась со своей пропагандой к товаркам по мастерской. Но тут она потерпела полное фиаско. «Бабы» оказались глухи ко всякой пропаганде, которая отскакивала от них, как горох от стѣны. Заинтересовать их разговором о чемнибудь, кроме нарядов, любовничков и сплетен, казалось решительно невозможным.

Тогда Бардина задумала пробраться на мужское отделение. При господствовавших на фабрике нравах, явиться в мужские спальни было дѣло опасное. Поэтому она озабочилась познакомиться предварительно с одним женатым рабочим через его жену, свою соседку по станку и однажды вечером после работы отправилась к нему в общую спальню за каким-то яко-бы дѣлом. Это обезпечило ей вѣжливый прием, и Бардина успела придаться к первому предлогу, чтобы начать чтение захваченной с собой книжечки — кажется, «Сказки о четырех братьях». Успех ее дебюта был огромный: после первых же строк около нее собралась небольшая кучка слушателей. Через пять минут это была уже цѣлая толпа, а через десять ее окружили все работницы от мала до велика, ловя каждое ее слово. — Когда чтение кончилось — спросам не было конца: — кто ты? Откуда? Где научилась так хорошо грамоте? — Сыпалось на нее со всех сторон.

Бардина должна была рассказать свою биографию: она расколыница; с молоду была в услужении у господ и обучилась у них грамоте; потом вернулась на село и стала там начетницей, а теперь, по нужде, поступила на фабрику. — Все это было вполне естественно и просто. Крестьяне знают, что среди раскольников грамотные женщины не редкость и не стали больше дивиться ее учености.

С этого дня Бардина часто навѣдывалась в мужскую половину. Своей разумностью, степенностью и тактом она вскоре завоевала себе все симпатии, и между нею и ее товарищами по работе установились самые лучшие отношения. Несмотря на крайнюю распухлость фабричных прав, — что было источником столько же неприятностей

для прочих московских пропагандисток, — Бардиной удалось внушить к себе такое уважение, что по ее собственным словам, ни один рабочий ни разу не позволил себе в ее присутствии скольконибудь неприличной шутки. Рабочие даже как будто гордились ею и по субботам в трактиры нарочно обращались к ней с просьбой почитать им «вѣдомости», как называли они безразлично всякую газету, чтобы похвастаться такой искусницей перед публикой.

При таком всеобщем уважении к ее личности и вниманию к ее словам, пропагандистская деятельность Бардиной не могла не быть успешной. На общее настроение своих товарищей, так сказать, на общественное мнение фабрики, ей удалось оказать решительное влияние. Но ей хотелось упрочить эти результаты созданием более тесной тайной организации людей сознательных. Это оказалось гораздо труднее, потому что требовало долгой и внимательной работы с каждым. А между тем физический труд отнимал у нее почти все время и доводил ее товарищей до такого утомления, что, по окончании работы, они только и думали что об отдыхе.

Однако по прошествии месяца Бардина все таки кое-что сдѣлала и в этом направлении. Она нашла небольшой кружок из людей, сильнее отзывавшихся на ее слова; с ними она была откровенна, поручала им самым читать товарищам приносимые ею книги. — Дѣло подвигалось вперед, хотя и не особенно быстро, и Бардина подумывала уже о том, чтобы закинуть удочку в соседнюю фабрику, где ей удалось уже завести кое-какие знакомства. Но тут случилось одно происшествие, заставившее ее прервать на первых же шагах с таким трудом налаженное дѣло: англичанин-управляющий застал ее однажды в мужском отдѣлении за чтением. В первый раз он ограничился тем, что прогнал ее, так как подобныя посѣщения строго запрещались. Но потом, заставив нескольких рабочих за чтением, он отобрал у них книжки, с тем чтобы прочесть на досуге. — Так как это не обѣщало Бардиной ничего хорошего, то она и поспѣшила оставить фабрику.

Этим опытом, — скромным, но очень характерным, — ограничилась пропагандистская деятельность Бардиной. — Покинув Лазаревскую фабрику, Бардина поселилась на «конспирационной квартирѣ», где вскорѣ и была арестована по доносу Дарьи Скворцовой, кухарки, желавшей своим предательством спасти любовника, арестованного жандармами.

Бардина выступает снова на сцену деятельности только через два года, — но здѣсь появленіе ее было настолько блестящим, что давно уже сдѣлалось достоинством исторіи. Мы говорим о достопамятном процессѣ пятидесяти, в котором кульминационным пунктом была ее рѣчь.

Значеніе этой рѣчи обуславливается двумя обстоятельствами: прежде всего ее принципиальной стороной. Идея и стремленія русской социалистической партіи — какою она была в тот період — никогда, ни прежде, ни послѣ, не были формулированы с такой вѣрностью, ясностью и строгой логикой, какъ

это сдѣлала Бардина. — Мысливъ в своей рѣчи, или, лучше, в семь великодушныхъ поединковъ с предътелемъ превзошелъ Бардину энергіей ее могучаго краснорѣчія. Но вслѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ она произносилась, рѣчь эта приняла исключительно боевой, наступательный, если можно такъ выразиться, характеръ. В жару боя, Мысливъ задался цѣлью нанести возможно больше вреда врагу, а не парировать возможно полнѣе міросозерцаніе своей партіи, какъ это дѣлаетъ Бардина. В этомъ отношеніи рѣчь послѣдней можно сравнить лишь с однимъ документомъ, тоже составившимъ эпоху своимъ появленіемъ, — а именно с извѣстнымъ письмомъ Исполнительнаго комитета къ Александру III. Для періода социалистической агитаціи рѣчь Бардиной представляетъ то-же, что «письмо» для періода политической борьбы, а именно минимальныя требованія партіи с цѣлью привлеченія на ее сторону возможно большаго количества сочувствующихъ, выраженные при томъ, одинаково, в самой умеренной и скромной формѣ.

Огромный, совершенно исключительный успѣхъ обоихъ этихъ произведеній въ обществѣ показываетъ, в какой мѣрѣ цѣль эта была достигнута.

Но едва ли не большее значеніе имѣетъ рѣчь Бардиной съ другой стороны, а именно со стороны правительственной. Она представляетъ первый смѣлый вызовъ, публично брошенный въ лицо правительству. Эта блѣдная, слабая на вид дѣвушка, безстрашно идетъ на встрѣчу ударамъ враговъ и, доказавъ съ неопровержимой силой правительственную враную своихъ социалистическихъ убѣжденій, восклицаетъ:

«Но я не прошу у васъ милосердія и не желаю его... Я убѣждена, что наступитъ день, когда даже наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободу и нововѣдѣ своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель!... Преслѣдуйте насъ, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила правительственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идея, — увы! на пытки не улавливается!»...

Подобныя слова, впервые произнесенныя въ стѣнахъ русскаго суда, да еще женщиною, должны были произвести потрясающее дѣйствіе. Лишь отдѣльныя личности восламеняются отъ прикосновенія чистой идеи. Масса, толпа способна одушевиться ими только тогда, когда конкретный фактъ или личность, воплотившіе эту идею, возбудятъ ихъ правительственное чувство и фантазію.

Такая роль выпала на долю именно московскимъ женщинамъ, среди которыхъ всѣхъ ярче выступала Бардина.

Вотъ почему ее составляетъ эпоху въ исторіи нашего революціоннаго движенія. Перечитывая ее теперь, семь лѣтъ спустя, когда передъ нашими глазами успѣли пройти факты такого высокаго самоотверженія, какъ громкое дѣло Засуличъ и скромное дѣло Кутинской, когда въ душѣ каждой слышны великіе въ своей скромности образы Перов-

ской, Соловьевна, Гриневецкаго, когда длинный рядъ процессовъ представляетъ примѣры мужества и самоотверженія Желобовича и Кибальчичей, — перечитывая, говорю, эту рѣчь теперь, — мы не почувствуемъ уже того энтузіазма и умиленія, которымъ переполнялась наша грудь когда во дни молодости, мы зачитывались ею *). Теперь она для насъ — памятникъ, литературное произведеніе. Но въ этомъ небольшомъ произведеніи, сжатомъ, содержательномъ, какъ окристаллизованная мысль, все еще трепещется живой духъ ее автора: чистая, свѣжая молодая душа. Тонкій, прозрачный юморъ, какъ дымокъ окутывающій его, едва прикрываетъ глубокую страсть натуры и горячую, юношескую вѣру въ людей и будущее.

Много нравственныхъ силъ должно было скрываться въ дѣвушкѣ, которая въ 23 года могла произнести такую рѣчь. Много обѣщала она дать въ будущемъ.

А между темъ это была ее лебединая пѣснь.

Когда Бардина произнесла на судѣ свое послѣднее слово, жизнь ее кончается: всѣ остальные семь лѣтъ ее существованія были лишь медленнымъ, мучительнымъ угнетеніемъ, и катастрофа 13 апрѣля была вызвана лишь отчаяннымъ желаніемъ ускорить его.

Вскорѣ послѣ суда, Бардина, осужденная на 9 лѣтъ каторжныхъ работъ, вслѣдствіе измѣненія приговора была отпущена въ Иппизъ на вѣчное поселеніе.

Въ первое время жизни ее въ этомъ городѣ обѣщала устроиться довольно сносно. Она знакомилась съ представителями мѣстной интеллигенціи — чиновниками, купцами, заводчиками, которые принимаютъ ее сперва съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, потомъ, присмотрѣвшись, мирятся съ ней и нѣкоторые даже сходятся ближе. Черезъ мѣсяцы тузовъ она знакомится съ молодежью — мелкими канцеляристами, молодыми учителями — и здѣсь имѣетъ решительный успѣхъ и самое благотворное влияние.

Но бдительное око начальства не дремлетъ: кѣмъ-то изъ доброхотныхъ индюковъ на нее пишется доносъ губернатору. Исправникъ получаетъ жесточайшій выговоръ — и начинаются строгости, но не противъ самой Бардиной, такъ какъ невозможно было запретить ей принимать тѣхъ, кто приходитъ къ ней въ домъ, а именно противъ ее гостей. Все это были люди служащие и потому вполне заискивающие. Нѣсколько отеческихъ внушеній тотчасъ же заставляютъ отшатнуться отъ Бардиной большую половину ее вчерашнихъ друзей. Нѣкоторые однако упорствуютъ. Тогда начальство прибѣгаетъ къ крупнымъ мѣрамъ и лишаетъ мѣста и куска хлѣба одного изъ упрямцевъ. Послѣ этого въ городѣ началась такая паника, что даже люди, совершенно по своему положенію независимые, по своей собственной русскому обывателю трусости, стали за версту оббѣгать ее домъ, чтобы не быть

*) Послѣднія слова заставляютъ предполагать въ рѣчи Бардиной какую то разсчитанность. Намъ кажется, источникъ этой рѣчи былъ болѣе непосредственнымъ; при томъ же Бардина вовсе и не говорила за всю «партію», а выражалась о себѣ такъ: «я принадлежу къ разряду людей, которые между молодежью (которая тогда и составляла то, что называли потомъ р. соц. рев. партіей) извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ». (121)

вынужденными поклониться ей при встрече.

Бардина была изолирована почти окончательно и единственным ее обществом стали отныне ее товарищи по ссылке — такие же оторванные от всего, томимые своим бездействием люди, как и она. С этого-то времени и начинается для нее унылая и горькая жизнь ссылке-каторжной.

Много писалось об этом предмете в нашей революционной литературе. Много раздавалось жалоб на эту жизнь, полную тупых, ноющих страданий. Но едва ли есть возможность дать почувствовать всю ее горечь человеку, никогда ее не испытавшему: в ней именно нет ничего острого, резкого, поражающего воображение и чувство и потому доступного яркому воспроизведению. Она ужасна именно своей безцветностью, томительным однообразием, отсутствием каких бы то ни было впечатлений, что при продолжительности ослабляет ум и волю, подобно тому, как вынужденное бездействие атрофирует мускулы. Настоящее страдание заставляет восторгнуться энергическую натуру, пробуждая в ней новые силы для сопротивления и борьбы. Но тут не с чем бороться, нечего делать, не о чем думать. Несколько лет такой жизни способны надломить самую богатую, даровитую натуру, и чем она глубже, чем интенсивнее в ней потребность в живом деле, тем губительнее должно отразиться на ней это долгое калечение.

Бардина показала, что она умеет терпеть; два слишком года предварительного одиночного заключения нравственно не оставили на ней никакого следа: там было возбуждение ожидаемого процесса, там была близость кипучей столицы, близость друзей, продолжавших на воле борьбу, и тюрьма жила их жизнью, волновалась их надеждами и ожиданиями. Но четыре почти года хронического маразма, какой представляет жизнь ссылке-каторжной, ее живая натура выдержать не могла.

К нравственной измученности присоединилось полное расстройство физических сил. Когда она прибыла в Ишим, ее слабое от природы здоровье было уже надломлено долгим одиночным заключением. В ссылке же оно распалось окончательно, вследствие той обстановки, в которой она должна была жить. Родители ее, стесненные в денежных средствах, не могли выслать ей много, с другой стороны, крайняя деликатность заставляла ее отказывать себя в последнем, чтобы только не стеснить своих стариков. Самостоятельных источников заработка в Ишиме не было никаких; пользоваться же суммами из кассы для ссылки она не желала. — Четыре года жизни почти голодом при здоровьи, требовавшем самых тщательных забот, не могли разуметься пройти ей даром: у нее развилась сильная анемия, сопровождаемая головными болями и общим первичным расстройством.

В таком состоянии была она, когда 25 декабря 1880 года, ей удалось бежать из Ишима.

Мысль о бегстве не покидала ее с самого дня ее водворения на место ссылки. Будучи естественным проявлением живой натуры в начале, она становится ее манией, ее идеей фикс, по мере того, как ссылка на-

чинает охватывать ее своей мертвенной атмосферой. В 1878 и 79 гг., она ведет переговоры об обмене с петербургским кружком «Земли и Воли», сгорая желанием поскорее осуществить свою единственную мечту.

Но вот, наконец, она вырывается на свободу и ускользнув от погони, является среди своих ликующих товарищей; она хочет броситься в самый водоворот революционной деятельности, чтобы вознаградить себя за такое долгое ожидание... Но тут она делает вдруг ужасное открытие: она замечает, что она опустилась, ослабла, что она уже не та, чем была прежде. До сих пор она не замечала и не могла заметить этого, потому что ссыльное прозябанье не представляло случаев к серьезному проявлению каких бы то ни было сил. Если же и там у нее мелькало иногда в голове мучительное подозрение — она сбила отогнать его прочь. Здесь отогнать его было невозможно, потому что его подсказывала самая жизнь. Потрясенное воображение преувеличивает ее несчастия. И вот полная ужаса и отчаяния, схватившись руками за покрытую холодным потом голову, она произносит себе ужасный приговор: она разбитая, она никуда больше негодный человек.

Однако она еще не верит этому, она попробует; может быть, это пройдет. Товарищи звали ее в Петербург. Но она не хочет, не может. Ихать к ним: ей слишком тяжело показаться им в таком виде, быть может, прочесть на их лицах выражение обманутой надежды. И вот она покидает Казань, первый большой город, куда она пошла и забивается в глушь, в провинциальную тучу, подальше от всех.

Но что могла сделать она, при своем убийственном настроении, однакая, больная, без средств и поддержки? Все попытки ее были заранее осуждены на неудачу. И каждая такая маленькая неудача была новой раной в ее и без того истерзанную грудь. И все таки целых полтора года мыкалась она по России после своего бегства, надрывая последние силы.

Когда она пришла наконец за границу, это была уже тень живого человека. Анемия достигла до такой степени, что она не могла уже ничего почти читать, потому что засыпала от усталости на первых страницах; работа вываливалась у нее из рук, и она только истощала себя усилиями заставить себя что-нибудь делать. Ничем невозможно было разогнать ее мрачного, безнадежного отчаяния. Она махнула на себя рукой, она окончательно решила, что она человек погибший для дела, и горьким смехом отвечала на уверения в противном. А что же было у нее в деятельности, которой отдала она всю свою душу?... Иногда она старалась бодриться, шутила, смеялась. Но вдруг, среди разговора, глотала слезы и крупные капли их, — за другой, надали из них. Не раз ее заставляли рыдающей, уткнув лицо в подушку.

Катастрофа разразилась 13 апреля в семь часов вечера.

Два револьвера давали очередь — по безжалостно, — той она взвела курок в третий... Раздался выстрел; пуля попала, как ока-

залась, в сердце, но зашла в его ствол, не пробивши его. Раненная упала на постель, и, несмотря на страшную боль, у нее хватило твердости в течение двух часов не издавать ни звука, не прикоснуться к пиюрку звонка, висевшему над ее изголовьем: она хотела истечь кровью. Только в 9 часов, вернувшись домой, хозяйка случайно вошла в комнату за какой-то корзиной и первая подняла тревогу...

Раненная была тотчас перенесена в кантональную больницу. Во время долгой агонии в ней не проснулась жажда жизни, как обыкновенно бывает после неудачных покушений: она была молчалива, спокойна, замечательно терпелива и выражала только одно желание: «поскорее бы все это кончилось». Двадцать шестого, в десять часов вечера, София Бардиной не стало.

Ее скорбная Голгофа кончена. За «простую исповедь своих убеждений», за проповедь того, что, по ее словам, во всех цивилизованных странах мира свободно провозглашается на площадях и стогнах, ее замучили, отравили медленными муками тюрьмы и ссылки. Убийство совершилось тихо, незаметно, не вызвав, как всемирных казней, ни негодующих статей в вольной иностранной прессе, ни протестов и демонстраций свободолюбивых людей, ни даже простой газетной заметки.

Но на родине, которую она так горячо любила, на родине, за которую она столько выстрадала — имя ее слишком громко. Сквозь заставы и цензуру, сквозь решетки и рогатки дойдет туда весть о ее безвременной кончине; дойдет, и повесть о ее жизни и страданиях. И пробудит она воспоминание о той чистой, апостольски-самоотверженной душе, которая когда-то заставляла проливать слезы умиления, и желчью и ядом станут теперь эти слезы. Нет, не вся она умерла. Ее страдальческий образ будет жить в памяти людей и, быть может, не в одной молодой душе зажжет он жажду мести.

Но что сказать о тех сотнях и тысячах других страдальцев и страдальцев, томившихся в той же Сибири? О тех, которым не дано было свершить ничего великого в жизни, которые похоронили там и свою чистую любовь к людям и свои, быть может, крупные дарования, не оставив потомству даже имени?

Сосчитайте их, если можете: ведь каждый год тысячи идут в эту страну погнаны, никогда не возвращающую своих жертв. И все это ведь лучшие силы нашей родины, соль нашей земли!

Взгляните на унылое необъятное кладбище, именуемое Россией. Скажите: где наши поэты? где наши художники, где публицисты? Как стареют они среди выжженного леса, доживают свой век великие старцы, сыны минувших поколений. А где их наследники? Где наши Пушкины, Гоголи, Белинские? — Там, там похоронены они живо, — там, в этих дымящихся юртах и палатах они, завидуя товарищам, погибшим на полях.

Тяжкое зрелище. Несчастная страна. Но кто же виновен во всех этих бедствиях? кто?

Конечно, правительство, конечно, временщики-сатрапы, конечно, царь, все это дозволяющий.

Ну что-ж! Давайте посылать им свои проклятия: это ведь так дешево стоит.

Полно, господа! Не виновать звѣрь, истерзанный прохожаго: на то онъ и звѣрь. Виновать тотъ, кто дастъ ему волю, зная его натуру. Зачѣмъ винить тупаго деспота, когда виноваты вы, поддерживающіе деспотизмъ, вамъ ненавистный?

Когда ошеломленный могучими ударами террористовъ, растерянный, готовый на уступки, онъ испуганно озирался по сторонамъ, нища гдѣ нибудь поддержки, — гдѣ нашелъ онъ ее? — Нѣтъ, не въ косной преданности, потому что всѣмъ онъ сталъ ненавистенъ, а въ рабской трусости. Ободрили, поставили его на ноги вы, представители русскаго общества, своими адрессами, статьями, депутатскими, тѣмъ болѣе позорными, что они были совершенно лицемерными. Такъ знайте же, что на васъ лежитъ кровь всѣхъ этихъ несчастныхъ жертвъ! — И теперь, когда гатчинскій арестантъ собрался наконецъ съ духомъ, чтобы дрожащей рукой возложить на себя корону — вы, земцы, думцы, старшины, предводители и предводимые, вы, быть можетъ, уже готовите новыя гекатомбы, когда, вмѣсто смѣлыхъ и ясныхъ требований свободы, гражданскихъ правъ, всеобщей амнистии, вы собираетесь поднести ему льстивыя увѣренія въ вѣрнооподданнической преданности, которой въ добавокъ вы никогда не чувствовали. — Не пустой звукъ ваши фразы условнаго лицемерія, нѣтъ, — это лживыя змѣи, которые проснутся и высосутъ сердце вашихъ дѣтей, быть можетъ, вашихъ собственныхъ дѣтей, тѣхъ самыхъ, которые, когда вы вернетесь въ ваши дома, бросятся вамъ на шею съ доверчивой улыбкой, не подозревая, что только что вы ихъ предали, — позорно, постыдно предали, потому что не хватило ни у кого изъ васъ мужества воскликнуть: «нѣтъ, пусть лучше я погибну, но собственной грудью защищу и будущность этихъ невинныхъ созданий!» — Такъ знайте же, что, когда отнимутъ ихъ у васъ, домучать до конца, какъ Бардину, быть можетъ, тогда совѣсть проснется въ васъ и она скажетъ вамъ, что убійцами ихъ были — вы!

К.

ИЗЪ ПОДОЛЬСКАГО СЕЛА.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Когда сидишь, какъ пишущій это, въ селѣ, среди крестьянъ, занятый почти мужицкой, иногда и прямо таки мужицкой работой, а во всякомъ случаѣ, когда имѣешь дѣло преимущественно съ крестьянами, — то можешь только удивляться тому, что есть люди, которые придаютъ какое либо значеніе толкамъ и заботамъ о «народѣ», какіе въ послѣднее время занимали и наши правительственные и революціонныя сферы. Слухи о какихъ то сборахъ правительства облагодѣтельствовать народъ, о какихъ то комиссияхъ, собираемыхъ съ этою цѣлью, промелькнули было по нашимъ селамъ, — и тотчасъ же затихли. То же случилось и съ слухами о социалистахъ-народникахъ, которыхъ наши селяне знаютъ подъ именемъ «скубентовъ».

О нихъ только и извѣстно у насъ селянамъ, что «скубенты царя вбили», — по за что и для чего? объ этомъ каждый говоритъ, или лучше, думаетъ различно, такъ какъ наши селяне не такъ глупы, чтобы говорить объ этомъ свои мысли вслухъ. О разныхъ же прокламаціяхъ социалистовъ, даже о «южно-русскомъ рабочемъ союзѣ», который, повидимому, находится отъ насъ такъ близко: въ Кіевѣ и Одессѣ, наши подольскіе крестьяне совсѣмъ и не слыхали. Выходитъ, что въ то время, когда насъ собираются благодѣлствовать разные люди, — мы даже и понятія не имѣемъ объ ихъ заботахъ о нашей пользѣ, — и перевернуть ли насъ сверху, или снизу, — мы это узнаемъ только тогда, какъ насъ начнутъ уже переворачивать, если точно начнутъ. Оставимъ же и разговоры о будущемъ, а попробуемъ рассказать, какъ намъ теперь живется.

А живется намъ куда какъ плохо! Объ экономическомъ житіи нашемъ должно быть людямъ надоѣло даже и слушать. Правда, земля у насъ на Подоліи, хорошая, — да только у крестьянъ ея страшно мало. Если придется на каждый дворъ по пѣшему надѣлу (6 морговъ, около 3-хъ десятинъ) то и хорошо, а дворы теперь разрослись, многіе стали по нѣсколько семействъ, которыми прокормиться съ надѣла нельзя. Прикупить земли или взять въ аренду негдѣ, такъ какъ помѣщики у насъ люди богатые, съ мужикомъ и говорить не станутъ, и если арендуютъ землю, то шляхтичу или еврей, которые сами отъ себя мужика арендовать тоже не станутъ. Чтобы извернуться и заплатить, нашему мужику ничего не остается, какъ только или, оставаясь на мѣстѣ, заниматься на срочную работу, въ «экономіяхъ», на заводахъ и т. п., — или продавать свое добро и идти въ Херсонщину да въ Бессарабію. Только и тамъ, очевидно, не богъ-знаетъ какъ хорошо, такъ какъ выходцы часто возвращаются назадъ, стараются воротить свое прежнее имущество, заводятъ процессы и т. д.

Казалось бы, что добавочный къ чисто земледѣльческому трудъ на заводахъ (у насъ сахарныхъ) большое пособіе для крестьянъ, которые должны бы богатѣть отъ этихъ заводовъ. На дѣлѣ же выходитъ такъ, что кромѣ лохмотьевъ да сифилиса (пращивъ) ничего наши крестьяне съ заводовъ не приносятъ. Не беруся указывать причины, — но свидѣтельствую фактъ, который увидитъ всякій, проживши въ нашихъ мѣстахъ, — что народъ именно всего бѣднѣе около бураковъ (свеклы) и заводовъ, гдѣ онъ больше ходитъ на заработки. Бѣдность же въ нашей роскошнѣйшей почвою Подоліи доходитъ до того, что многіе крестьяне уже не справляютъ «кути», — не за что!

Уже изъ сказаннаго выше видно, что хозяйство крестьянское у насъ стоитъ на такой тонкой линіи, что достаточно малѣйшей неосожданности, чтобы все его равновѣсіе опрокинулось: пожаръ, покража скота, болѣзнь (у насъ тифъ и дифтеритъ гуляютъ по селамъ, какъ вѣтеръ въ полѣ), смерть и даже роды — ведутъ за собою долгъ, большей части неоплатный. Свадьба, — дѣло столь же органической и нравственной потребности, какъ и экономическій, — ве-

детъ за собой такой долгъ непременно, такъ какъ она обходится рублемъ въ 100. Теперь не рѣдко, что парубки наши, изъ которыхъ прежде рѣдко кто не женился до 20 лѣтъ, ждутъ до 25—30 лѣтъ, пока семья соберетъ нужные запасы.

Задолжаются у насъ въ трехъ источникахъ: у жида, въ экономіи, у своего. Жидъ беретъ процентъ деньгами 100—250%, въ годъ, не считая того, что переберетъ мукою, крупкою, лицами, курами и т. п. Въ экономіи крестьянамъ, забравшимъ впередъ за годъ деньги, даютъ за работу, которая по обычнымъ цѣнамъ стоитъ 20—30 рублей, — всего 7—10 рублей и значить берутъ процентовъ 200—300. Вообще же въ экономіяхъ годовою рабочій, на своихъ харчахъ, съ своимъ батономъ и вилами, получаетъ въ годъ 50, наибольше 70 рублей. Этихъ денегъ не стаетъ, при расходахъ на кормъ, даже на одежду, а все таки нашихъ парубковъ приходится принимать эти условія. Чтобы покрыть свои текущія нужды, парубокъ долженъ заработать деньги впередъ, — и теперь уже есть много семей, въ которыхъ работники запродались впередъ на нѣсколько лѣтъ. Я самъ еще въ началѣ 1882 г. видѣлъ такіе контракты на 1886 г.! Займы у своего брата, мужика, у насъ довольно рѣдки, по понятнымъ причинамъ; условія ихъ таковы: за 10 рублей капитала крестьянинъ уступаетъ за процентъ въ пользование кредитору моргъ поля, — годовая плата за который не меньше 6 рублей. Казалось бы это сравнительно немного, всего 60%, но вмѣстѣ съ тѣмъ должникъ платитъ за уступленный моргъ всю долю платежей: выкупныхъ, поземельныхъ, мірскихъ. Скажетъ кто: а мірскіе капиталы, изъ которыхъ ссуда дается только за 10% въ годъ? Но, во первыхъ, этихъ капиталовъ очень мало, а во вторыхъ они администрируются крайне плохо и часто больше раскрадываются, чѣмъ ссужаются, — и отъ всего этого мірскихъ капиталовъ, считайте, что какъ бы и нѣтъ для нуждающихся въ кредитѣ крестьянъ. Конечно, это обстоятельство находится въ связи, главнымъ образомъ, съ дурнымъ устройствомъ нашего сѣльского и волостнаго управленія. Но это дѣло особое, — а мы не будемъ отклоняться отъ картины экономическаго положенія крестьянъ.

Условія кредита для нихъ, какъ мы видѣли сейчасъ, ужасны, а между тѣмъ безъ кредита прожить имъ нельзя. Что же сказать о такихъ мѣропріятіяхъ начальства, которыя точно съ умысломъ дѣлаются для того, чтобы отдавать крестьянъ въ руки ростовщикамъ. А какъ разъ такого мѣропріятія мы были свидѣтелями въ 1880 г., когда подольское губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе распорядилось по всѣмъ волостямъ отобрать у крестьянъ займы ихъ изъ хлѣбныхъ магазинновъ. Операцию эту совершили весною, т. е. тогда, когда у крестьянъ совсѣмъ почти нѣтъ хлѣба. Посредники ѣздили по волостямъ, кричали на старшинъ старшины и старосты буквально руки себѣ отбили о крестьянъ, выколачивая хлѣбъ, — иные это дѣлали, я самъ видѣлъ, плачущи сами, — а били и «грабили» крестьянъ. Конечно, всего хлѣба такъ и не собрали, а только отметили въ вѣдомостяхъ, по нѣскольку

тысячъ человекъ по губерніи втянулись въ долги, изъ которыхъ врядъ ли и вынутаются. И подумаешь, что это случилось единственно черезъ чиновническое легкомысліе, которому и въ голову не придетъ сообразить даже такую простую вещь, какъ то: когда у крестьянина больше хлѣба, осенью, или весною?!

Таково экономическое положеніе въ нашихъ селахъ. Перейдемъ къ просвѣщенію. Читая новѣйшіе русскіе романы и новѣсти, натакиваешься на изображеніе народныхъ учителей, честныхъ, образованныхъ, народолюбивыхъ. Не знаемъ, другіе ли люди живутъ «во внутреннихъ губерніяхъ», или, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ земская школа тамъ создала сколько нибудь человѣчный типъ сельскаго учителя, — но только у насъ ничего подобнаго я не встрѣчалъ. У насъ народный учитель — человекъ ниже, чѣмъ средняго образованія, а направленія обыкновеннаго підпанка. Съ мужиками онъ общенія не водитъ, на жизнь ихъ вниманія не обращаетъ, а беретъ себѣ жалованье, пока не найдетъ другаго, болѣе выгоднаго мѣста: судебного пристава, акцизнаго надсмотрщика, а то и урядника. Результаты изъ «службы» такихъ учителей нѣтъ почти никакого. Вы знаете, что ученики, окончившіе министерское училище, пользуются привилегіей по отбыванію воинской повинности. Казалось бы, хоть это должно оказывать какое либо вліяніе на привлеченіе населенія къ этимъ школамъ; однако жъ рѣдко въ какой изъ нихъ кончается курсъ четыре человека въ годъ, а бываетъ часто, что не кончается ни одинъ. Да, наконецъ, изъ официальныхъ отчетовъ видно, что наши правобережныя губерніи, когда-то самыя образованныя въ Россіи (кроме Ц. Польскаго и Балт. губ.), теперь самыя безграмотныя. А между тѣмъ народъ у насъ и до сихъ поръ еще желаетъ учиться; это видно и изъ того, что почти въ каждомъ селѣ есть свои школы, въ которыхъ учить дѣтей или дьякъ, или чаще всего отставной солдатъ, учить, конечно, по старинѣ или какъ попало, но все же такихъ учителей народъ предпочитаетъ министерскимъ чиновникамъ: по крайней мѣрѣ тѣ хоть не важничаютъ.

Вообще едва ли не самая ужасная особенность нашей сельской жизни — это полное отсутствіе образованныхъ людей, сколько нибудь расположенныхъ къ «простому народу». Образованный міръ представляется у насъ въ селахъ, кроме учителя, о которомъ мы говорили уже, — паномъ, помомъ, разными видами чиновниковъ, отъ мирового посредника до урядника и писарей, да підпанками: служащими въ панскихъ экономіяхъ.

Панъ, помѣщикъ, — у насъ почти всегда полякъ. Болѣе богатые изъ нихъ живутъ за границей или въ Варшавѣ. Живутъ на мѣстахъ наши помельче да посессоры, арендаторы. Какъ все поляки въ Подоліи, эти господа сохранили все старыя польскія понятія о нашемъ краѣ, который для нихъ все такъ «забранный край», Польша. Они все оглядываются на Варшаву или на Краковъ, не будетъ ли оттуда знаменій возстановленія старой Польшы. Они ничего не забыли и ничему не научились по этой части. Крестьянинъ для нихъ противенъ вдвойнѣ: и какъ

мужикъ, было, скотина, и какъ непріятель ихъ національно-государственныхъ фантасій. По ихъ мнѣнію, послѣ эманципаціи, крестьянинъ только развратился, разлѣнился, да къ тому еще спитъ и думаетъ о томъ, чтобы соединиться съ русскими социалистами (!) и перебить пановъ, а имѣнія подѣлить промежъ себя. О какомъ же культурномъ вліяніи на народъ со стороны такого панства можетъ быть рѣчь, не говоря уже о томъ, что сама культура этого панства болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя? Все эти господа искренно желали бы возвращенія крѣпостнаго права, — а пока довольствуются тою возможностью притѣсненія крестьянъ, какая у нихъ есть.

Но и на этомъ дѣло не оканчивается. Выходя изъ мечты о возстановленіи старой Польшы на подольской землѣ здѣшнее панство, само, прямо высасывая народъ, въ то же время умысленно подстрекаетъ русскихъ чиновниковъ къ еще болѣе пылкимъ притѣсненіямъ этого народа, чѣмъ къ какому способны эти чиновники сами по себѣ. Почти все безъ исключенія русскіе чиновники здѣсь, вольно или невольно, плещутъ подъ дудку польскихъ пановъ, которые умѣютъ устроить такъ, чтобы каждый изъ нихъ какъ можно хуже исполнялъ свое дѣло, — чему извращенная, лѣнивая и подлая природа русскаго чиновника весьма легко поддается. Панство видитъ въ подлостяхъ русскаго чиновника прекрасную пропаганду въ пользу идеи возстановленія Польшы.

Наши поны только разнообразность чиновничества. Впрочемъ, этихъ поновъ надо подѣлить на двѣ части. Старикъ еще сюда-туда. Между ними даже попадаются такіе, что рады бы и помочь громадѣ, а во всякомъ случаѣ держать себя съ нею просто, готовы посоветовать что нибудь. Но они слишкомъ отстали отъ потребностей нашего времени и не знаютъ, что нужно для него; правда, этого не знаетъ и громада, но она все же чувствуетъ, что поны теперь ея вождемъ быть не въ состояніи.

Молодые поны уже прямые пивки народной крови. Они себя считаютъ людьми культурными, — т. е. желаютъ и ѣсть, и пить, и одѣваться по-пански. Люстриновой рясы молодой поны не надѣнетъ: ему нужна шелковая; на простомъ возѣ и плохенькимъ конемъ онъ не поѣдетъ. О хозяйствѣ, о громадскихъ дѣлахъ онъ говорить не станетъ, а поддерживаетъ разговоръ о Бисмаркѣ, Гамбеттѣ, о высокой политикѣ Россіи и т. п. Крестьяне вполнѣ уже раскусили этихъ господъ и сами уклоняются отъ сношеній съ ними и по немногу склоняются къ штундѣ.

О такихъ чиновникахъ, какъ мировые посредники, прежде всего надо сказать, что они своего дѣла совсѣмъ не знаютъ. Назначаются они или изъ промотавшихся помѣщиковъ внутреннихъ губерній, или изъ отставныхъ гусаръ, которые даже общаго Положенія 19 Февраля 1861 г. не знаютъ, что же касается до народной жизни, обычнаго права и т. п., то объ этомъ не имѣютъ понятія даже назначенные изъ чиновниковъ мѣстныхъ губернскихъ правленій. Поэтому наилучшій посредникъ у насъ тотъ, который сидитъ себѣ тихо и ни во что не вмѣшивался. На бѣду, такихъ мало, а почти каж-

дый посредникъ воображаетъ себя Бисмаркомъ и обыкновенно выдумываетъ такую путаницу, изъ которой польза выходитъ развѣ панамъ да жидамъ, а никакъ не крестьянамъ.

Судебный слѣдователь — обыкновенно человекъ молодой, назначается послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія при канцеляріи окружнаго суда, гдѣ онъ никакъ не можетъ научиться отыскивать правду въ нашей жизни, гдѣ не вѣдомо, кто пьетъ, а кто платитъ. Слѣдователь, какъ и мировой судья заботится прежде всего о сокращеніи себѣ работы, а потому постановляетъ свои рѣшенія по внѣшнимъ признакамъ дѣла да потому, на что его направитъ кто изъ постороннихъ, заинтересованныхъ. Оба они при этомъ отправляютъ свои обязанности торжественно и высокимъ слогомъ, народу дважды непонятнымъ.

О становыхъ довольно будетъ напомнить пословицу: почему волкъ, услыхавъ колокольчикъ, бѣжитъ? — Потому что думаетъ, что то становой ѣдетъ, такъ шкуру сдеретъ. Объ урядникахъ, кажется, много уже писано, но все, кажется, мало, чтобы выразить всю мерзость этого люда. Удивляешься, глядя на нихъ, какъ могло правительство подобрать такой выборъ мерзавцевъ для охраны будто бы то общества и государства, — удивляешься и обществу, какъ могло оно породить и можетъ терпѣть этихъ мерзавцевъ. Въ селѣ урядникъ первый представитель разврата, разбоя, первый укрыватель воровства и насильства, — и въ то же время онъ почетный гость у пана и у пана, если тотъ не очень ужъ вельможный. И какъ многіе спятъ и мечтаютъ попасть въ урядники! Въ нашихъ мѣстахъ, напр., волостной писарь получаетъ 700—800 р. жалованья, а урядникъ всего 300—400, — однако писарь съ радостью перейдетъ въ урядники, такъ какъ тутъ онъ можетъ красть и мошенничать, не боясь громадскаго контроля, который нѣтъ-нѣтъ, да таки даешь себя знать. И если бы еще весь вредъ, наносимый всѣми этими пивками народа, ограничивался непосредственными ихъ подвигами. Нѣтъ, быть можетъ, худшее изъ золъ, — это то «просвѣщеніе», какое онѣ вносятъ въ крестьянскую среду, которому онѣ научаютъ прежде всего должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, а дальше и другихъ: это наука легкаго хлѣба на счетъ простоты и довѣрчивости «глупаго мужика».

Вамъ, можетъ быть, эта картина покажется слишкомъ мрачною. Но что жъ дѣлать, если, побродивши долго по нашей Подоліи, я не встрѣтилъ тамъ рѣшительно ни одного порядочнаго человека между чиновничествомъ и не слыхалъ о такомъ человекѣ? Вы подумаете, можетъ быть, что я слишкомъ требователенъ, — такъ право же нѣтъ: я бы удовольствовался даже тѣмъ, еслибы наши чиновники исполняли только требуемое закономъ и минимумомъ здраваго смысла. Но возьмите, напр., хоть судебного слѣдователя. Вотъ онъ насобиравъ кучу людей въ «холодную», въ этапъ, заперъ ихъ въ рабочую пору и держитъ безъ харчей, и, наконецъ, выпускаетъ, потому что, какъ ни усиливался, не могъ составить обвинительнаго постановленія. Но ему и въ голову не приходитъ во-

прось: за чѣмъ же онъ причинилъ столько вреда и горя столькомъ людямъ? И это не слѣдователь стараго времени, — приказный, а молодой человекъ, недавній еще студентъ университета, съ устъ котораго слетали самыя радикальныя, самыя пародолобивыя фразы.

Мнѣ много разъ случалось наблюдать быстрое превращеніе нашихъ молодыхъ радикаловъ въ обыкновеннѣйшихъ чиновниковъ. Много разъ я задумывался надъ причинами такой нетвердости убѣжденій въ нашихъ молодыхъ людяхъ и пришелъ къ тому заключенію, что причины эти находятся въ значительной мѣрѣ въ самомъ характерѣ нашего радикализма. Этотъ радикализмъ обыкновенно не имѣетъ въ себѣ ничего положительнаго и детальнаго, — а состоитъ изъ однихъ общихъ фразъ въ одну сторону совершенно мечтательнаго, а въ другую голо-отрицательнаго характера. Наполнивъ себѣ голову такими фразами, нашъ радикалъ перестаетъ думать образами дѣйствительности, изучать детали жизни, думать о борьбѣ съ ними и о приспособленіи къ нимъ, съ сохраненіемъ своего идеала; общія, основныя явленія жизни идутъ мимо его ока и слуха, онъ хватается только за исключительное; онъ не готовится жить и двигать жизнь, — но революционировать, упразднить и декретировать жизнь, — и благо ему, если его захватитъ жандармерія среди сборовъ на такую работу! Онъ оказывается мученикомъ за идею. Но бѣда, если жандармы дадутъ такому радикалу окончить университетъ и вступить въ жизнь, что для большей части нашего студенчества значитъ — поступить на службу. Знаній у него никакихъ: за оффиціальною наукой онъ слѣдилъ ровно на столько, чтобы получить дипломъ; на науку неоффиціальную не хватило ни охоты, ни времени за занятіемъ «политикой», т. е. кружковой болтовней; наблюденій надъ жизнью — никакихъ; голова нашего радикала оказывается пустою. Между тѣмъ въ кружковой болтовнѣ опустѣло и сердце, а кружковая «политика» приучила къ мелочному макіавелизму, т. е. деморализировала характеръ. Понятно, что съ такимъ нравственнымъ запасомъ изъ человека не выходитъ честный общественный дѣятель: за дѣло онъ взяться не умѣетъ, — и вотъ приходится ему идти за совѣтомъ къ старому рутинеру. Приложенія для революціонныхъ мечтаній онъ нигдѣ не видитъ, «народъ», о которомъ думалось, какъ о готовомъ къ революціи и социализму, оказывается совсѣмъ къ тому неготовымъ, а по части социализма даже оказывается зараженнымъ «буржуазнымъ предразсудкомъ собственности», — и вотъ нашъ революціонеръ разочаровывается на всѣхъ пунктахъ, — и черезъ годъ—два становится такимъ же чиновникомъ, какъ и всѣ остальные, такъ же относится къ народу, какъ и они!

Я чувствую, что картина нашей сельской жизни не полна безъ изображенія еще одного элемента ея: жида, которыхъ у насъ на 150 дворовъ приходится погуда 15—20 семействъ. Не хочется мнѣ повторять въ сотый разъ, что всѣ эти еврейскія семейства въ сущности никакимъ производительнымъ трудомъ не заняты, ни рассказывать извѣстныя вещи объ эксплуатаціи ими крестьянъ.

Скажу два-три слова о томъ, на что, кажется, мало обращалось вниманіе въ печати, самой жидообличительной, — а именно о жидакъ, какъ о вносителяхъ культуры въ нашу крестьянскую среду. Да, — жида у насъ главные посредники между культурными слоями населенія и чернымъ людомъ, — а ужъ какова культура первыхъ, таковы и посредники! Черезъ жида доходятъ до мужиковъ новости міра политическаго и нравственнаго, а болѣе всего усовершенствованія для улаженія жизни матеріальной: чай, ромъ, табакъ, конфеты и т. п., доходить, какъ и слѣдуетъ быть всякимъ новшествомъ, черезъ пропаганду среди молодежи. Пропагандой этой занимаются главнымъ образомъ женщины, тѣмъ болѣе, что мужчины изъ сельскихъ еврейскихъ семействъ обыкновенно дома не сидятъ, занятые «ганделями». У евреекъ всегда есть запасъ грецкихъ орѣховъ, сахару, чаю, конфетовъ, сладкой водки, безпачтентнаго бессарабскаго табаку и т. п. «ласточекъ», кусокъ гнилаго ситца, платочки. Еврейка всегда любезна съ крестьянскими дѣтьми и подростками, особенно въ жива, когда въ селѣ остаются одни дѣти. Она зазываетъ этихъ дѣтей въ домъ, потчуетъ ихъ — и проситъ принести взаменъ что нибудь изъ хозяйства. Дѣти приносятъ яйца, придиво, зерно, сначала изъ своего хозяйства, а потомъ и изъ чужаго. Въ селахъ нашихъ теперь не мало найдется мальчишковъ по 10-му году, которые смочнутъ «цигарку» и знаютъ вкусъ въ сладкой водкѣ. Научились они этимъ культурнымъ привычкамъ, благодаря еврейкамъ, — и какіе изъ нихъ будутъ въ свое время громадине — увидимъ! Однако, какъ ни вредны жида для нашего селянина, а все таки онъ къ нимъ льнетъ и вѣрится имъ больше, чѣмъ всѣмъ другимъ представителямъ культурнаго міра: нани, попу, чиновнику. Кромѣ всего прочаго причина этому въ томъ, что всѣ эти представители обращаются съ мужикомъ свысока, — тогда какъ жида съ крестьяниномъ вѣжливъ и даже нескателенъ (конечно, до случая), рассказываетъ ему новости и совѣтъ даетъ въ дѣлѣ, гдѣ онъ прямо не заинтересованъ. Вотъ почему наши селяне и быють жидами, а жить безъ нихъ не могутъ.

Горе нашему просвѣщенію, горе нашимъ просвѣщеннымъ людямъ, что крестьянинъ предпочитаетъ имъ жида! Но иначе и быть не можетъ. Всѣ знаютъ, — или должны бы знать, — какъ тщательно искоренили на украинской землѣ государства польское и московско-петербургское всѣ тѣ слои населенія, въ которыхъ начала было осядѣть дѣйствительно народная культура: ремесленное мѣщанство и козачество, какъ эти государства раздѣлили населеніе нашей земли на касты, которыя стали у насъ отдѣльными національностями, и которыхъ вышнюю связь поддерживаютъ безпочвенное и бездушное чиновничество. Культурный человекъ у насъ, — если онъ не нани, т. е., напоминаемъ опять, — у насъ на Подоліи, полякѣ, — такъ чиновникъ. А чиновнику быть у насъ, особенно въ послѣдніе годы, сколько нибудь, не только народнымъ, но даже формально честнымъ человекомъ нѣтъ возможности. Не драхъ носа вверхъ передъ крестьяниномъ, быть гуманнымъ, исполнять свое дѣло добро-

совестно — значитъ попасть прямо въ «неблагонадежныя». Даже не брать взятокъ — нельзя. Жида такого человека не потерпятъ въ краѣ — и тотчасъ же выживутъ. Имѣть у себя дѣйствительно культурныхъ и при томъ громадскихъ, своихъ людей — вотъ, по нашему, главный интересъ для нашихъ селъ, для нашего народа, — но какъ и откуда возмунтъ у насъ такіе люди — вотъ въ чемъ вопросъ!...

С. Нр.

БЮРОКРАТІЯ И НОВЫЯ ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Конечно не одному поколѣнію придется расплачиваться за всѣ безобразія нашего желѣзно-дорожнаго строительства, исторія котораго полна всякаго безсмысла, невѣжества и наглого воровства. Чего, въ самомъ дѣлѣ, тамъ не было!? Организовывались, съ вѣдома министровъ, цѣлые притоны хищниковъ, управляемые женщинами высшаго свѣта, салоны, куда собирались на конспираціи митократы съ плутами изъ высшихъ сановниковъ, до министровъ включительно. Кой-что объ этихъ конспираціяхъ пропало и въ печать, напр., въ фельетонахъ г. Партазанова въ «Новомъ Времени». Нѣкоторые изъ многихъ желѣзно-дорожныхъ разбоевъ выведены и въ извѣстной работѣ г. Головачева, — но вся эта вакханалія воровства не представлена въ этой работѣ съ должною полнотою, благодаря какъ цензурѣ, такъ и литературнымъ приемамъ автора. Былъ одинъ моментъ, когда можно было надѣяться, что вакханалія этой положенъ предѣлъ, что прошлое желѣзно-дорожнаго дѣла послужитъ, по крайней мѣрѣ, урокомъ для будущаго. Это было время назначенія особой комиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла, по окончаніи работы которой комитетъ министровъ положилъ было: приостановиться съ постройкой новыхъ ж. дорогъ впредь до приведенія въ порядокъ существующихъ. Это требовалось хотя бы для того, чтобы впредь не было такихъ вещей, какъ то, что у насъ, какъ это обнаружилось изслѣдованіемъ, ж. дороги собственноручно начинали строить не тогда, когда выдавались на то концессіи, а тогда, когда дороги уже считались открытыми и по нимъ производилось движеніе. Нужно было приостановиться съ постройками новыхъ дорогъ и для установленія какой нибудь системы въ ихъ проведеніи, такъ какъ въ прошломъ оказалась въ этомъ отношеніи бестолочь, въ родѣ того, что липин проводились въ ущербъ интересамъ Россіи, или совсѣмъ ненужныя, въ родѣ Новоторжской, Боровической, анельсинной (какъ ее назвала кака то газета) Балтійской, Рижско-Тукумской, Тамбово-Саратовской, Муромской, или же строились по совершенно отвѣщеннымъ соображеніямъ, въ родѣ дороги съ цѣлью направить торговлю къ «пезамерзашему Севастопольскому порту», къ которому торговля такъ и отказалась отпавиться, или же такія безцеремонностей, какъ постройка дороги Балтско-Елисаветградской, по ходатайству одесскаго ген.-губернатора Коцебу, которому она нужна была для его половинщика, бар. Уггерн-Штенберга, и который выдумалъ дѣлать линію дороги бесполезной, но за то прох-

дивней по его генераль-губернаторству, т. е. строимой подъ его надзоромъ и при томъ въ значительной степени солдатами, ему подчиненными! Приостановиться съ постройкой ж. дорогъ пужно было и для того, чтобъ надуматься, какъ быть съ такой странностью, что свобода ж.-дорожныхъ тарифовъ разрушила всю таможенную политику, — обстоятельство, которое прозвали два специальныхъ министерства, отъ которыхъ зависѣло утверждение желѣзно-дорожныхъ обществъ, — и, наконецъ, для того, чтобъ остановить наглый грабежъ государственной казны посредствомъ приплатъ по гарантіямъ, приплатъ, которыя, къ общему скандалу цивилизованнаго міра, съ годами росли, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія движенія по дорогамъ. А благодаря какимъ причинамъ произошелъ этотъ скандалъ, — объ этомъ отчасти можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ три линіи въ юго-западномъ углу Россіи соединены были подъ одну администрацію, — и что жъ? Сумма издержекъ прежнихъ правленій всѣхъ трехъ линій оказалась меньше расхода одного новаго, общаго ихъ правленія. Конечно, осмѣленные такимъ финансовымъ фокусомъ, завѣдыватели строительныхъ работъ на одной изъ этихъ линій, представили смѣту, по которой сажень каменной кладки оцѣненъ былъ въ 800 р. Такъ какъ инженеры техническо-инспекторскаго комитета знали, что стоимость такой кладки показывалась обыкновенно 200 р. за сажень (и это, конечно, не обидная для строителей цѣна), то даже и они дали диву, при видѣ такой смѣлости, — однако, по зрѣломъ размысленіи, рѣшено было оставить цифру 800 р., — мать казна, молъ, все стерпитъ. И все подобныя продѣлки производились съ полнаго вѣдома инженеровъ, назначенныхъ министерствомъ путей сообщенія въ званіе директоровъ въ правленія желѣзно-дорожныхъ обществъ, какъ равно съ вѣдома ихъ же производился и указанный выше способъ постройки дорогъ.

Конечно, положить предѣлъ всѣмъ такимъ злоупотребленіямъ, а равно сгармонизировать постройку ж. дорожныхъ линій съ дѣйствительными интересами страны: хозяйственными, торговыми, какъ и военными, могла бы только публичность контроля и участіе представительства самихъ населеній въ государственныхъ дѣлахъ. Самодержавная бюрократія, даже и при доброй волѣ, не могла тутъ сдѣлать многого. Но вышло нѣчто такое, чего и отъ бюрократіи ожидать могли только крайніе нессимисты.

Чиновники министерства путей сообщенія не могли согласиться на прекращеніе ихъ доходовъ съ прекращеніемъ строенія желѣзныхъ дорогъ и выработали особую ихъ систему на время установленнаго комитетомъ антракта: систему дорогъ вспомогательныхъ къ главнымъ линіямъ. Идея этихъ дорогъ была скопирована съ гидрографіи: рѣчки, притоки, ручьи, каналы. Подобно этимъ явились: вѣтви питательныя, подъѣзныя и соединительныя! Способъ постройки этихъ дорогъ избранъ былъ по приему не подобия, а противоположности: такъ какъ постройка дорогъ способомъ концессионнымъ оказалась неудачной и убыточной, то теперь рѣшено

было строить способомъ правительственнымъ. Противуположность эта, впрочемъ, кажущаяся, такъ какъ всѣ безобразія концессионеровъ дѣлались съ вѣдома и при молчаливомъ согласіи и даже прямомъ соучастіи казенныхъ инженеровъ, которымъ теперь, въ награду за такое ихъ поведеніе, поручили строить новыя дороги правительственнымъ образомъ.

Начали эти инженеры свою дѣятельность съ того, что основали въ Петербургѣ, для обмена мыслей и объединенія способностей постройкѣ, клубъ, напавъ для него помѣщеніе въ самомъ бойкомъ и дорогомъ мѣстѣ: на углу Б. Морской и Невскаго. Экономные люди эти на первый разъ обязались платить за помѣщеніе клуба только 16.000 рубл. въ годъ, съ прибавкою черезъ каждые 2 года по 4 тысячи. Слѣдуетъ ожидать, что съ развитіемъ сѣти и экономіи, которую сдѣлаютъ для Россіи эти благодѣтели, найдено будетъ лучшее помѣщеніе для мѣста ихъ собраній. А пока посмотримъ на ихъ дѣятельность.

Изъ первыхъ плодовъ новыхъ благодѣтелей была дорога Баскунчакская, солевозная. Поводомъ къ постройкѣ ея было сложенеіе акциза съ соли, — мертворожденный первенецъ «народной», иначе, «царской», политики предпослѣдняго времени. Рожденію этого чада предшествовали статьи въ одномъ петербургскомъ радикальномъ журналѣ о томъ, какія блага получатся отъ удешевленія соли для нашего мужичка. Резсчетъ этихъ благъ производился авторомъ по весьма оригинальнымъ способамъ: авторъ воображалъ крестьянина покупающимъ на экономію съ соли какой либо полезный для него предметъ, который долженъ былъ дать плодъ, а этотъ дать въ свою очередь новый плодъ и т. д. Правительству показалась заманчивою такая перспектива, которая избавляла его отъ необходимости ломать голову. Что можетъ быть проще: удешевите на 30 процентовъ пудъ соли, — а за тѣмъ плоды благосостоянія народнаго и начнутъ произростать одинъ изъ другаго, сами собою! Никому въ голову не пришло, что въ лучшемъ случаѣ, при дѣйствительномъ удешевленіи соли (которое, какъ извѣстно, не вездѣ и состоялось), получится экономія въ 15 коп. въ годъ на крестьянскую душу, и въ $22\frac{1}{2}$ — 30 к. на голову скота, каковую экономію можно было доставить народу на любомъ другомъ платимомъ имъ налогѣ. Нѣтъ, фантазеры ждали благодѣтельныхъ послѣдствій именно отъ соли, которая-де подниметъ крестьянское скотоводство. Никто не подумалъ о томъ, нѣтъ ли другихъ причинъ, кромѣ цѣны соли, по которымъ скотоводство у насъ падаетъ, а не развивается, напр., обращеніе пастбищъ, луговъ и др. сѣнокосовъ въ пахатныя земли, энзимотинъ и т. п. Соотвѣтственно общему увлеченію фантазіей о соли, правительственные инженеры выдвинули солевозную дорогу въ 51 версту отъ оз. Баскунчака до Волги: видите ли, эта дорога удешевитъ пудъ соли еще на 3 коп. за пудъ, еще на $1\frac{1}{2}$ к. на крестьянскую душу! На дѣлѣ оказалось, что эта дорога, которая обошлась казнѣ около 5.500.000 руб. (т. е. только съ небольшимъ 100 т. р. за версту!) никакого удешевленія соли не принесла и даже конкуррировать съ извозчиками не въ состояніи, такъ какъ на ничтожное разстоя-

ніе въ 50 верстъ сокращенія времени перевозки желѣзная дорога сдѣлать не можетъ, а нагрузка и выгрузка соли при извозѣ, само собою, входитъ въ операцію. Теперь исправить ошибку построенія Баскунчакской дороги думаютъ постройкой новой солевозной же дороги уже длиною въ 150 верстъ: до оз. Елтона, что обойдется не менѣе 10.000.000, и изъ чего все равно не будетъ проку, если перегрузка на Волгѣ останется по прежнему, почему неизбежно будетъ увеличаться зданіе солевозныхъ дорогъ мостомъ черезъ Волгу, который обойдется миллионъ въ пять. Вотъ вамъ ближайшія послѣдствія соляной фантазіи нашихъ правителей, не считая того, что, при сохраненіи всей нашей системы правленія, 12.000.000, списанныхъ съ бюджета, какъ соляной акциза, возмѣщаются другими налогами.

Почти одновременно съ Баскунчакской начали строить Криворожскую дорогу, — въ степи съ населеніемъ менѣе 30 душъ на кв. версту, безъ всякой заводской промышленности, т. е. какъ разъ въ условіяхъ Елисаветградско-Балтской дороги, которая не оплачивается процентовъ на затраченный на нее капиталъ. Очевидно, что новая дорога должна была имѣть въ виду не обыкновенное движеніе грузовъ и людей, а специальное. И дѣйствительно порѣшено было, что Криворожская дорога — должна служить для подвоза къ Харьковско-Николаевской дорогѣ желѣзной руды, а также для доставки каменнаго угля къ сахарнымъ заводамъ Кіевской губерніи. Послѣдніе расчеты, впрочемъ, совершенно фантастичны, такъ какъ для послѣдней цѣли нужна бы была совсѣмъ другая дорога — изъ Екатеринослава прямо къ Знаменкѣ. Расчеты на соединеніе криворожской руды съ каменно-угольнымъ бассейномъ болѣе резонны, но только совершенно абстрактны. Наши благодѣтели вычитали изъ книгъ, что хорошо, если желѣзная руда соединена съ каменнымъ углемъ, — но только не обратили вниманія на то, что это хорошо тогда, когда разстояніе между двумя продуктами не очень далеко. Разстояніе же между донецкими каменноугольными копами и криворожскою рудою ни болѣе, ни менѣе, какъ 420 верстъ. Въ довершеніе, для удешевленія постройки на криворожской дорогѣ допущенъ весьма значительный подъемъ полотна, такъ что дорога подойдетъ къ мѣсту выработки руды выше на 16 сажень, что сильно удорожитъ доставку руды къ нагрузкѣ. По всему этому и выходитъ, что криворожская дорога «питательна» только для инженеровъ. Впрочемъ, она имѣетъ уже собѣ предшественника въ Луневской каменно-угольной дорогѣ, которая построена была раньше, чѣмъ найдена была стоящая разработки копъ. А между тѣмъ Криворожская дорога съ мостомъ черезъ Днѣпръ обойдется не менѣе 30 миллионъ рублей! Третья изъ новыхъ ж. дорогъ, Домброво-Ивангородская, длиною съ вѣтвями въ 421 версту, имѣетъ за себя коммерческія основанія, но за то въ стратегическомъ отношеніи служить прямо Пруссіи, которая и такъ имѣетъ перевѣсъ надъ Россіей въ томъ, что можетъ мобилизовать свои силы въ 14 или даже въ 12 дней, тогда какъ Россія пужается для этого въ 2 мѣсяцахъ. Домбровско-Иванго-

родская линия прямо строится для облегчения вѣмцамъ отрѣзанія Царства Польскаго прежде, чѣмъ русская армія мобилизируется, тѣмъ болѣе, что на лѣвомъ берегу Вислы нѣтъ никакихъ русскихъ крѣпостей (которые замѣтимъ, наши мудрые правители въ Ц. Польскомъ возвели болѣе противъ поляковъ, чѣмъ противъ сосѣднихъ державъ). Соображеніе о выгодности Ив.-Домбровской дороги для возможнаго непріятеля пришло въ голову нашему военному министерству только уже тогда, когда полотно было готово. Министерство это стало тогда требовать замедленія въ открытіи дороги, что совершенно уже бесполезно, такъ какъ главное дѣло противъ стратегическихъ интересовъ государства уже сдѣлано, — такъ пусть бы уже дорога исполняла хоть свое коммерческое назначеніе. Мы слышали, что противъ открытія этой дороги былъ уже самъ государь, — а между тѣмъ все таки дорога обошлась въ 27.000.000 р.

За то въ пользу четвертой линіи, Тифлиско-Бакинскій приводятъ стратегическія соображенія. Видите ли послѣ проведенія военной желѣзной дороги на восточномъ берегу Каспія, Закавказье стало основой военныхъ операцій въ средней Азіи, черезъ которую разные фантазеры и шовинисты наши мечтаютъ добраться до Индіи. Оставляя въ сторонѣ обсужденіе вопроса о томъ, нужно ли намъ это добираніе, мы скажемъ только, что условія войны съ такими народами, какъ средне-азиатскіе, вовсе не такія, какъ европейскія, и что собираніе силъ для войны съ ними по меньшей мѣрѣ столь же удобно и отъ Кавказа, какъ и на Югѣ, и около самого юго-западнаго берега Каспія можно всегда собрать силы, достаточныя для войны съ туркменами. Между тѣмъ Тифлиско-Бакинская дорога пройдетъ по мѣстности бѣдной, мало-населенной и никакого экономическаго значенія имѣть не можетъ. Даже и для нефти гораздо болѣе выгодно было бы устроить нефтепроводъ, чѣмъ желѣзную дорогу. Остается одинъ ресурсъ для дороги — транзитъ, но, не входя въ разсмотрѣніе выгоды его, замѣтимъ только, что этотъ мотивъ въ пользу дороги найденъ былъ уже послѣ ея постройки, — обстоятельство чрезвычайно характеризующее серьезность нашихъ государственныхъ людей. Но и транзитъ много не поможетъ, такъ какъ англійскій привозъ въ Персію не превосходитъ $4\frac{1}{2}$ милліона рубл., — и по дорогѣ Тифлиско-Бакинской, которая стоитъ 38.000.000 казѣ, придется постоянно приплачивать за расходы.

Такимъ образомъ мы насчитываемъ непроизводительныхъ затратъ на желѣзныя дороги $73\frac{1}{2}$ милліона послѣ того, какъ положено было приостановиться съ постройками новыхъ дорогъ до уурядоченія старыхъ. (Мы не считаемъ тутъ 27 милліоновъ за Домбровско-Ивангородскую). Къ этимъ милліонамъ государству еще придется прибавить гарантіи $3\frac{1}{2}$ м. руб., положивъ даже, что издержки эксплуатаціи окупятся.

Мы сказали въ началѣ этой статейки, что недавно у насъ строились дороги уже послѣ ихъ открытія. Прогрессъ послѣдняго времени состоитъ въ томъ, что теперь дается разрѣшеніе на постройку уже послѣ окончанія постройки. Пусть только продержится

самодержавіе нашего чиновничества, — мы дождемся еще и не такихъ диковицъ!

Р. Ф.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

V. Административно-политическіе вопросы.

Переходя теперь отъ сельской общины и волости къ болѣе крупнымъ единицамъ земскаго самоуправленія, мы находимъ въ рѣшеніяхъ и ходатайствахъ земствъ достаточно ясно выраженную потребность объединенія мелкихъ земскихъ единицъ въ болѣе обширныя областныя земскія группы. Потребность эта высказывается, разумеется, далеко не такъ опредѣленно и категорически, какъ это мы видимъ въ вопросѣ о водномъ устройствѣ, отчасти потому, что вопросу этому приходится пробиваться сквозь начинающую только теперь обнаруживаться полнота чисто-административнаго дѣла Россіи на губерніи, къ которому въ настоящее время приурочено и мѣстное самоуправленіе въ видѣ губернскаго земства. Отънесенныя въ своихъ дѣйствіяхъ и компетенціи предѣлами административныхъ границъ и немѣющія права непосредственно сносятся между собою, губернскія земства давно уже наталкиваются на вопросы, общіе нѣсколькимъ сосѣднимъ губерніямъ, и обращаются къ правительству съ ходатайствами о разрѣшеніи совмѣстнаго съ сосѣдними земствами обсужденія этихъ вопросовъ, или въ случаяхъ болѣе маловажныхъ прямо принимаютъ рѣшенія, относящіяся къ мѣстностямъ или учрежденіямъ, находящимся вѣдѣніи своей губерніи. Понятно, что въ первомъ случаѣ ходатайства почти всегда отклоняются болѣе или менѣе рѣзко министерствомъ, а во второмъ — рѣшеніи опротестовываются губернаторами. Такъ, напр., въ 1878 г. глазовское и полновское земства, Вятской г., постановили оказать пособіе казанскому обществу земледѣльческихъ колоній и рѣшенія эти были опротестованы вятскимъ губернаторомъ; въ прошломъ году полтавское земство ассигновало 500 р. на поправленіе и содержаніе въ порядкѣ могилы Т. Шевченка, находящейся въ Каневскомъ у., Кіевской губерніи; въ томъ же году курское и херсонское земства ходатайствовали о скорѣйшемъ открытіи харьковскаго технологическаго института и т. п. Подобнаго же рода смыслъ имѣютъ для насъ ходатайства земствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земства просятъ разрѣшенія какой нибудь общей мѣры только для себя, желая, такимъ образомъ, избѣжать отказа на основаніи общегосударственнаго или областного значенія вопроса, о которомъ идетъ рѣчь. Ходатайства земствъ кременчугскаго и черниговскаго, а затѣмъ херсонскаго и коммисіи по народному образованію петербургскаго земства о разрѣшеніи введенія въ преподаваніе украинскаго, румынскаго и финнскаго языковъ имѣли мѣстное, губернское значеніе, разумеется, только съ формальной стороны, выражая собой нужды и интересы цѣлой группы губерній,

говорящихъ на одномъ языкѣ, однихъ словомъ, областныя интересы, такъ же точно, какъ, напр., ходатайство курскаго губернскаго о допущеніи учениковъ курскаго о реальнаго училища въ университетъ нѣло въ виду, конечно, не исключительно только курскихъ реалистовъ, а было формулировано такимъ образомъ въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ и законовъ. Такое же значеніе имѣетъ и назначеніе многими земствами пособія петерб. мед. женскимъ курсамъ. Несомнѣнно, что земства желали бы учрежденія такихъ курсовъ и по областямъ. Другія, сюда относящіяся, заявленія земствъ имѣютъ болѣе опредѣленный характеръ, указывая прямо на необходимость непосредственной связи между земствами, имѣющими общіе областныя интересы. Въ 1878 г. петербургское земство опредѣлило ходатайствовать о предоставленіи губернскому земству права входить въ сношенія съ другими губерніями по поводу взаимнаго страхованія: въ 1877 году харьковское губернское земство, по вопросу о мѣрахъ къ поддержанію сельскаго кредита, постановило ходатайствовать о распространеніи на Харьковскую губернію закона о неустойкахъ, дѣйствующаго въ сосѣднихъ «малороссійскихъ» губерніяхъ, т. е. Черниговской и Полтавской. Въ 1869 году херсонское губернск. земск. собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи земствамъ сосѣднихъ съ Херсонской губерніей совмѣстно обсудить вопросъ о мѣрахъ борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ, черезъ особо избранныхъ уполномоченныхъ; ходатайство это было отклонено. Въ прошломъ году харьковское губернское земство опять такъ ходатайствовало о разрѣшеніи съѣзда представителей губернскихъ земствъ южныхъ губерній, для обсужденія вопроса о страхованіи скота. Подобная же причина заставила обратиться къ правительству съ подобнымъ же ходатайствомъ и повгородское земство, которое хлопотало о созваніи съѣзда представителей сѣверныхъ губерній съ участіемъ ученыхъ для установленія общихъ мѣръ борьбы съ эпидеміями. Въ прошлую же сессію киринловская земская управа выработала проектъ взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ исурожая и признала, что это мѣра можетъ быть дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если будетъ распространена на на всѣ сѣверныя губерніи Россіи съ аналогическими климатическими и почвенными условіями, съ болѣе или менѣе одинаковыми среднимъ урожаемъ и цѣнами на хлѣбъ, а именно на слѣдующія десять губерній: Новгородскую, Петербургскую, Олонецкую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Пермскую, Ярославскую и Тверскую. Изъ всѣхъ этихъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что идея областного земскаго управленія, естественнымъ образомъ вытекающая изъ экономическихъ и культурныхъ потребностей болѣе или менѣе обширныхъ районовъ, начинается развиваться въ сознаніи земства. Безъ сомнѣнія идея эта не успѣла еще надлежащимъ образомъ сформулироваться, не успѣла выработаться такъ детально, какъ идея сельскаго и волостнаго земства, но тѣмъ не менѣе, — если только она не будетъ затеняться никакими

любопытными соображениями, — она не может не иметь своей большой будущности, в смысле замѣны нынѣшняго, вполне искусственнаго и пригоднаго только для бюрократических цѣлей, дѣленія страны на губернии. Съ другой стороны, изъ приведенныхъ нами заявленій съ достаточной ясностью видно и то, что мысль объ областномъ самоуправленіи обязана своимъ появленіемъ вовсе не какому нибудь сепаративнымъ или инымъ наклонностямъ тѣхъ окраинъ, которыя соединены съ Русскою имперіей чисто механически, такъ какъ, прежде всего, большая часть этихъ окраинъ и до настоящаго времени вовсе не имѣетъ земскихъ учреждений, а слѣдовательно и голоса въ земскихъ заявленіяхъ, а затѣмъ мы видимъ, что идея областного земства является вполне одновременно и независимо другъ отъ друга и на украинскомъ югѣ, и на великорусскомъ сѣверѣ и притомъ, главнымъ образомъ, не въ силу какихъ бы то ни было политическихъ или національных соображеній, а исключительно только экономическихъ и культурныхъ потребностей, является, вполне вытекающая изъ хода вещей, не будучи даже предварительно поднята и разработана въ литературѣ. Что касается, впрочемъ, политическихъ соображеній, то самоуправленіе неасимметрировавшихся съ Великою Россіей областей можетъ повести, по нашему мнѣнію, только къ полному устраненію тѣхъ политическихъ недоразумѣній и національной розни, какія не только не могутъ прекратиться, но неизбежно должны возрасти при существующей системѣ административной централизаціи.

Обратимся теперь къ тѣмъ заявленіямъ земствъ, въ которыхъ выражается стремленіе къ ихъ объединенію въ смыслѣ общегосударственнаго земскаго самоуправленія. Понятно, что въ странѣ, гдѣ малѣйшій намекъ на измѣненіе существующаго режима считается за государственное преступленіе, такого сорта заявленія могутъ быть только въ высшей степени косвенными и въ такомъ даже видѣ могутъ доходить до печати только благодаря «эзопскому языку» или какому нибудь особенно исключительнымъ сносамъ, помимо всѣхъ существующихъ цензуръ. Тѣмъ не менѣе, сила существующихъ потребностей на столько уже велика, что, не смотря на все это, такіе заявленія со стороны земства не только существуютъ, но изъ года въ годъ увеличиваются въ количествѣ и являются все болѣе и болѣе въ конкретной формѣ. Подъ давленіемъ жизненныхъ условій, земства пользуются всякимъ удобнымъ предлогомъ, чтобы въ той или иной формѣ сдѣлать свои заявленія, и это является всего менѣе результатомъ какого нибудь теоретическаго конституціонализма, а совершается въ силу прямой потребности, которая не можетъ не ощущаться самымъ рѣзкимъ образомъ чуть ли не при каждомъ рѣшеніи, вопросѣ, въ сферѣ дѣятельности земства. Идетъ ли дѣло о продовольственномъ вопросѣ, о подушномъ и другихъ налогахъ, о народномъ кредитѣ или переселенческомъ вопросѣ, о выкупныхъ платежахъ или реформѣ крестьянскихъ учреждений, о народномъ образованіи или о «распространеніи преступной пропаганды» — вездѣ прежде

всего является кардинальный вопросъ о реформѣ всего государственнаго строя, о государственномъ самоуправленіи, безъ котораго немислимо никакое мѣстное самоуправленіе, немислимо въ настоящее время никакая сколько нибудь серьезная и полезная дѣятельность въ сферѣ общественныхъ дѣлъ. Мы могли бы сослаться въ этомъ отношеніи на такое значительное количество примѣровъ изъ разныхъ мелкихъ земскихъ постановленій, которые, разумѣется, не вошли бы въ рамки газетной статьи, потому мы, опуская эти примѣры, укажемъ только на болѣе опредѣленные заявленія, преимущественно послѣдняго времени. Едва успѣло правительство сдѣлать намекъ на возможность какого-то допущенія общественныхъ силъ къ разрѣшенію государственныхъ вопросовъ въ видѣ вызова такъ наз. свѣдущихъ людей — сейчасъ же, не смотря на всю комическую судьбу этой инициативы, если не просто эскамотёрской продѣлки, — многія земства посѣпили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о предоставленіи выбора свѣдущихъ людей земству, какъ единственному компетентному въ этомъ отношеніи учрежденію. Съ такими ходатайствами въ послѣднее время обратились къ правительству казанское, пермское, курское, харьковское, херсонское и др. губернскія земства. При этомъ херсонское губ. земство постановило, въ случаѣ вызова свѣдущихъ людей въ качествѣ представителей отъ земства въ кохановскую комиссію, предложить на обсужденіе экстренныхъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній вопросъ объ устраненіи условій, вредящихъ развитію земскихъ учреждений и выработаннымъ собраніями мнѣніи передать для руководства выбраннымъ земствомъ свѣдущимъ людямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство обратилось ко всему русскому обществу съ извѣстнымъ «правительственнымъ сообщеніемъ» («Прав. Вѣстн.» 1878. № 186) по поводу «распространенія преступной пропаганды въ имперіи», въ отвѣтъ на которое появились знаменитые адреса нѣсколькихъ земствъ, вѣроятно и до сихъ поръ незабытые читателями. Въ одномъ изъ этихъ адресовъ (харьковскомъ) прямо говорилось, что «отдѣльные земства разрознены, предметы ихъ вѣденія не выходятъ за предѣлы уѣзда или губерніи, не разсуждая о дѣлахъ и нуждахъ государства, они должны вѣдать лишь дѣла хозяйственныя, мѣстныя... Земство въ настоящемъ случаѣ (т. е. по поводу пропаганды) могло бы оказать содѣйствіе правительству своимъ общественнымъ мнѣніемъ, но оно не имѣетъ органа для выраженія своихъ мнѣній и должно оставаться пѣвымъ, другихъ орудій у него нѣтъ или оно не можетъ ими пользоваться. Изъ такихъ разрозненныхъ, безорудныхъ, разсыпчатыхъ, подобно песку, элементовъ нельзя сдѣлать той силы, которая могла бы быть опорой государству...» Еще болѣе рѣшительнымъ и при этомъ болѣе достойнымъ тономъ былъ написанъ и адресъ черниговскаго земства, обсуждавшійся или, лучше сказать, не допускавшійся къ обсужденію или утвержденію въ «публичномъ» заведеніи черниговскаго земскаго собранія, зала котораго была охраняема отъ входа публики жандармами и полиціей. Составленный

по этому же поводу адресъ полтавскаго земства говоритъ, что для достиженія совмѣстнаго дѣйствія правительства и общества «не существуетъ въ настоящее время такой легальной почвы, на которой могли бы объединиться силы правительства и всѣхъ земствъ имперіи, такъ какъ дѣятельность послѣднихъ поставлена закономъ въ предѣлы мѣстныхъ нуждъ».

Наконецъ, въ самое недавнее время, одобривши только что приведенный нами проектъ сельскаго и волостнаго самоуправления и постановивши представить его, въ видѣ отвѣта на сдѣланный земству запросъ, высшему правительству, херсонское губернское земство рѣшило высказать правительству свое желаніе, чтобы для полной разработки и рѣшенія вопроса о крестьянскихъ учрежденіяхъ были собраны представители отъ всѣхъ земствъ имперіи, такъ какъ этотъ вопросъ касается не одной только Херсонской губерніи, а всей Россіи. Понятно, что такое постановленіе земства было опротестовано губернаторомъ, но (послѣднее) земское собраніе признало протестъ губернатора незаконнымъ и постановило прилестить жалобу по этому поводу въ Правит. Сенатъ. Одновременно съ этимъ и по тому же поводу обратилось къ правительству и смоленское земство, ходатайствуя о томъ, чтобы земство было призвано къ участию въ разработкѣ обсуждаемыхъ нынѣ вопросовъ по переустройству мѣстныхъ учреждений или по крайней мѣрѣ, чтобы земству предоставлено было право высказаться по имѣющимъ быть составленнымъ кохановской комиссіей предположеніямъ, прежде утвержденія ихъ законодательнымъ порядкомъ. На случай, если правительство удовлетворитъ вышеприведенное ходатайство и признастъ нужнымъ созвать земскихъ представителей для обсужденія вопросовъ о преобразованіи земскихъ учреждений, а также и другихъ какихъ либо вопросовъ, смоленское земство ходатайствуетъ о предоставленіи ему права выбора земскихъ представителей. «Вызываемыя лица, говорится въ ходатайствѣ, только въ томъ случаѣ могутъ быть выразителями земскихъ мнѣній и земскихъ желаній, когда они будутъ выбраны и уполномочены самими земствами». Къ предыдущимъ двумъ ходатайствамъ смоленское земское собраніе нашло нужнымъ еще присовокупить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство признаетъ нужнымъ вызвать уполномоченныхъ земствъ для выслушанія ихъ мнѣній — «было бы желательно, чтобы ни одна губернія не была устранена отъ участія въ этихъ обсужденіяхъ, въ виду того, что интересы каждой изъ нихъ могутъ быть затронуты и нарушены тѣмъ или другимъ способомъ рѣшенія каждаго вопроса, но не знанію мѣстныхъ особенностей каждой отдѣльной губерніи. Поводомъ къ представленію этого ходатайства послужило то, что при вызовѣ свѣдущихъ людей по вопросамъ: переселенческому, нитейному и выкупному многія губерніи были обойдены, не смотря на то, что рѣшеніе выкупныхъ вопросовъ для многихъ изъ нихъ представлялось существенно важнымъ».

Вообще же въ смыслъ подобнаго представленія земскимъ собраніямъ права выбора свѣдущихъ людей и объ измѣненіи способа, практиковавшагося со стороны правительства до настоящаго времени при вызовѣ ихъ, ходатайствовали до сихъ поръ слѣдующія земства: петербургское, повгородское, костромское, владимѣрское, казанское, калужское, смоленское, псковское, харьковское, полтавское, херсонское и бессарабское.

Само собою разумѣется, что всѣ эти, пока первичныя, хотя и очень многозначительныя уже, шаги земства къ установленію государственной конституціи на исполнѣ земскихъ началахъ не могутъ не имѣть въ своемъ основаніи требованія прежде всего самыхъ элементарныхъ условій политической свободы. Въ этомъ отношеніи существуютъ также нѣкоторыя заявленія земствъ, разумѣется, тоже до известной степени облеченныя мѣстнымъ или корпоративнымъ характеромъ. Такъ нѣкоторыя земства давно уже обращались къ правительству съ ходатайствами о томъ, чтобы члены земскихъ собраній, особенно крестьяне, не могли подвергаться административному лишенію свободы, по крайней мѣрѣ во время земскихъ сессій. Въ недавнее время черниговское губернское земское собраніе ходатайствовало о допущеніи своего члена И. И. Петрункевича, высланнаго административнымъ порядкомъ «въ мѣста не столь отдаленныя», къ исполненію обязанностей губ. гласнаго и принесло жалобу въ правительствующій Сенатъ по случаю протеста губернатора противъ самаго факта избранія Петрункевича, какъ лица административно ссыльнаго, въ губ. гласные. Жалоба эта была уже рассмотрѣна Сенатомъ, который оказался на столько безпристрастнымъ въ этомъ случаѣ, что призналъ избраніе Петрункевича совершенно правильнымъ, къ великому негодованію Каткова и К^о, завопившихъ немедленно о пропикновении крамолы даже въ это хранилище законовъ. Непосредственное заявленіе объ отнятіи административной высылки и объ установленіи свободы слова и печати было сдѣлано достаточно прямо, сколько намъ помнится, только однимъ черниговскимъ земствомъ въ упомянутомъ нами адресѣ, по поводу известнаго «правительственнаго сообщенія». Въ статьѣ же «Ближайшія задачи земства», составляющей предисловіе къ конфискованному австрійскимъ правительствомъ изданію этого черниговскаго адреса («Вольн. Сл.» № 56), говорится, что «земство въ настоящую минуту должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія».

Все изложенное нами, какъ въ этой, такъ и въ предыдущихъ статьяхъ, какъ кажется, достаточно убѣдительно для того, чтобы видѣть, что наше земство приходитъ относительно сдѣлавшейся въ настоящее время уже неизбежною необходимости въ реформѣ, государственнаго строя, къ почти исполнѣ уже сложившимся заключеніямъ. Намѣченныя земствомъ основныя положенія этой реформы сводятся, какъ мы видимъ, къ организаціи возможно болѣе широкаго земскаго самоуправленія, единицами котораго должны

сдѣлаться сельская община, волость, область и, наконецъ, все государство. Само собою разумѣется, что всѣ эти земскія стремленія остаются пока достаточно еще разрозненными, а потому и лишеныими силы, необходимой для ихъ осуществленія. Ближайшія задачи земства должны, слѣдовательно, состоять въ томъ, чтобы тѣми или другими способами уничтожить эту разрозненность и съ единодушіемъ и рѣшительностью предъявить свои требованія правительству, подкрѣпивши эти требованія въ случаѣ надобности прямымъ отказомъ отъ всѣхъ своихъ нынѣшнихъ функций, — начиная съ исполненія т. наз. обязательныхъ расходовъ. Такое предъявленіе своихъ требованій земствомъ будетъ только исполнѣ логическимъ и послѣдовательнымъ шагомъ, который требуется настоящимъ положеніемъ дѣла въ Россіи, шагомъ притомъ ничуть не рискованнымъ, такъ какъ безъ него земству все равно придется прекратить свое существованіе, вслѣдствіе своего полнаго безсилія при нынѣшнихъ порядкахъ.

Θ. В.

ПАРИЖСКИЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕССЪ.

Согласно плану, принятому на Марсельскомъ рабочемъ конгрессѣ 1879 г., назвавшемъ себя «соціалистическимъ», ежегодно, кромѣ одного общепаризскаго конгресса, въ каждой изъ шести областей Франціи должны происходить мѣстные конгрессы. Въ воскресенье, 13 мая, открылся конгрессъ области центральной или Парижской, который будетъ продолжаться до 21 мая.

Конгрессъ называется официально — «конгрессомъ соціально-революционнымъ», но онъ очень не похожъ на подобныя собранія послѣднихъ лѣтъ. По составу своему теперешній конгрессъ возвращается къ типу первыхъ рабочихъ конгрессовъ Франціи, описанныхъ у насъ въ № 57 въ статьяхъ г. Жебунева, — т. е. заключаетъ въ себѣ не однихъ только соціалистовъ, а особенно соц.-революционеровъ, но представителей всѣхъ рабочихъ. По этому составу и характеру своему теперешній конгрессъ исправляетъ тѣ ошибки соціально-революционныхъ кружковъ централистическаго направленія, которыя подробно указаны были въ названныхъ статьяхъ, и открываетъ начало того преобразованія во французскихъ соціалистическихъ фракціяхъ, какое отчасти предсказано у насъ, какъ въ статьяхъ г. Жебунева, такъ и въ нашихъ къ нимъ примѣчаніяхъ.

Въ приглашеніи рабочихъ на конгрессъ инициаторы (соціалисты федерально-коммуналистическаго отбѣнка или носибиллисты) сохранили имъ соц. революционеров, выставили однакожъ на обсужденіе будущаго собранія рядъ вопросовъ «непосредственнаго интереса для класса рабочихъ», — какъ, напр., объ устройствѣ квартиръ, о квартирной платѣ, о законѣ о синдикатахъ и свободѣ ассоціаціи, объ иммиграціи иностранныхъ рабочихъ, о продолжительности рабочаго дня, о теперешнемъ страхованіи риска рабочихъ и т. п. Къ обсужденію вопросовъ приглашены были не одни соц. революционеры, а рабочіе всякихъ мѣній, — и вопросы обѣщано было ставить «безъ духа секты и вѣдь всякой доктринальной исключительности». На упрекъ

со стороны государственныхъ коммунистовъ группы Egalité, — въ измѣнѣ знамени соц. революціи, П. Бруссъ отвѣчалъ въ органѣ партіи, «Le Prolétaire», статью, которая начинается такими словами:

«Eh bien! — люди рабочей партіи также хотятъ болѣе составлять рабочую партію безъ рабочихъ, какъ дѣлать заяче paru (civet) безъ зайцевъ».

«Откроемъ двери, граждане: пусть придутъ къ намъ члены ремесленныхъ обществъ, пусть придутъ на широкое поле борьбы классово! Мы, собственно мы — коммунисты; мы постараемся убѣдить ихъ, что теоретически мы правы. Мы также революционеры; мы постараемся показать имъ на практической сторонѣ буржуазіи къ реформамъ, что мы правы и практически. Но, если мы даже не успѣемъ убѣдить ихъ, мы пойдемъ съ ними рука объ руку къ реформистскимъ воротамъ. Если мы найдемъ ихъ ворота открытыми, мы перейдемъ ихъ съ великимъ шумомъ, какъ и они (члены рем. союзовъ). Если же мы найдемъ эти ворота закрытыми, — а не будутъ герметически закрыты, — то члены рем. союзовъ возьмутъ ружье по нашему призыву и вѣдѣтъ съ нами выломать эти ворота баррикадными камнями».

«Но прежде всего, прежде школы, прежде политики, — образуемъ армію. Армія же создается при чтаніи Отче нашѣ (en récitant des paternôtres)».

Въ этихъ словахъ видно, какъ прежній парлететнистъ старается притиснуть различнаго пути, на какой онъ вступаетъ вмѣстѣ съ другими носибиллистами, съ прежнимъ путемъ исключительно революціоннаго доктринализма. Но разница эта тѣмъ не менѣе видна, особенно со стороны. Дѣло въ томъ, что въ той «соціалистическо-революціонной рабочей партіи», къ которой принадлежатъ теперь авторъ выписанныхъ словъ, сведены были или, лучше, съданы въ вѣстѣ три, если не четыре, весьма различныя вещи: 1) соціализмъ, какъ извѣстный идеалъ, 2) революція, какъ одно изъ средствъ сего достиженія, и 3) рабочая партія, имѣющая цѣлью не только вообще дѣйствовать при теперешнихъ фактическихъ условіяхъ для непосредственной пользы людей своего класса, но въ частности дѣйствовать въ теперешнихъ «представительныхъ учрежденіяхъ страны»: городской думѣ, земскомъ собраніи (conseil général), въ парламентѣ. Уже составленіе programmes minimum въ 1880 — 81 гг. указывало начало сознанія среди французскихъ соціальныхъ революционеров необходимости раздѣленія этихъ вещей, но боясь поставить это раздѣленіе прямо привела только къ тому, что эти вещи были такъ невольно склеены вмѣстѣ въ этихъ программахъ, что одинъ кусочекъ склейки только портилъ эффектъ другаго. Кандидатамъ, явившимся предъ рабочими съ приглашеніемъ войти за нихъ и за ихъ минимальныя программы, снабженныя болѣе или менѣе максимализмическимъ соціалистическимъ вступленіемъ и

*) Марсельскій «соціалистическій конгрессъ», котораго уполномоченными считаются себя и въ гласной фракціи фр. «соціалистовъ-революционеровъ», прямо и ясно опредѣляетъ цѣль образованія рабочей партіи въ слѣд. словахъ: «пролетаріатъ... послышитъ своихъ прямыхъ представителей во всѣхъ въ буржуазіи учрежденіяхъ (les corps élus) для того, чтобы... получить черезъ это представительныя формы, которыхъ онъ требуетъ торжественно въ своихъ конгрессахъ» (Séances du Congrès de 1880, 816). Тѣмъ, кто отрицаетъ шой дѣйствій, кромѣ баррикаднаго, почему, звачитъ, приставать къ такой организаціи «рабочей партіи» C'est à prendre ou à laisser! какъ говорятъ французы.

проводимые революционными восстаниями, — говорили с разных сторон: если вбьете в полную да еще непосредственную осуществимость ваших идеальных апостов, зачем же вы их урываете и обите на кусочки? Если вы не вбьете в рьяные реформы посредством парламентов, же выбранных поголовно подачею голо- в, а вбьете только в баррикады, — чьм же вы идете на парламентские вы- ры? Авторы программ (тогда еще совме- ст- ные центристы, и федералисты) отвечали: желаем прежде всего обособить рабочих в других классов, а потому имеем в ду прежде всего составить такие програм- мы, под которыми бы не мог поддаться один буржуазный кандидат, хотя бы и дикарь, — а затем, в случае нашего онкиновения в представительные собрания, ласем показать народу на факт неоспо- рительность надежды на парламенты и что бо другое, кроме баррикады. — Эти и по- бные аргументы в сущности сводились к му, что все эти программы minimum и кандидатуры рабочей партии — есть бол- же и менее благородная и благотворительная медия, даже в глазах их избирателей. Практический рабочий именно и не лю- бы комедий, — а потому, даже будучи не очь от баррикады, в случае надобности возможности, предпочитал вопить за ржуазных радикалов, которые обещали у по крайней мере законы о свобод- ас- аций и кой какие паллиативы по части эко- мического законодательства, чьм за бла- родных комедантов социально-революци- ной рабочей партии.

Бол-е других догадливые люди из пос- дних поняли странность этого положенія, признаком этого понимания служить соз- ние настоящего парижского конгресса и омянутая статья в «Prolétaire». Не трудно едусмотреть логическое развитие рабочего ижения, на той дорог, на какую становится о теперь во Франции: 1) революция, — ружьями, баррикадами и т. п. оставляет- как крайнее средство для «непзлч- их оказий» *); 2) социалистическія тен сохраняются как руководящие фонари, в научные системы, подвергаемые обсу- жению в литературе, на сходках и на особых конгрессах пропаганды, а 3) прак- тическое дѣло организации рабочей пар- и сводится на группировку возможно боль- го количества голосов за непосредствен- е осуществление различных, возможных и данныхх условиях, практических в пользу рабочих классов. Прово- дить эти меры приходится в существующих и легко могущих быть устроенными кад- х общественной жизни: в общинах, в итонах, провинциях и государствах, — а тому здѣсь неизбежно должна слдаться доктринерская исключительность теорій ассовой борьбы, которая уже потому тре- еть подчисток, что если бы провести ее

последовательно, то пришлось бы исключить из «рабочей партии» — Лассалей, Марксов и всѣх почти интеллигентнѣйших и актив- нѣйших из ея теперешних дѣятелей. Даль- нѣйшій рост рабочей партии и ея дѣловых отношеній къ мелкой буржуазии, мелким ре- месленным мастерам (весьма многочис- ленным, напр., в Парижѣ и Лионѣ) и лю- дям свободных профессій, а особенно къ крестьянству, в котором часто такъ труд- но провести грань между собственником и рабочим, — неизбежно покажет важность самостоятельной организации рабочих, какъ специалистов извѣстнаго труда и лучших экспертов по его вопросам, но въ то же время непременно поставит ихъ исключи- тельности и выдвинетъ, рядомъ съ классовыми противоположностями интересовъ, и интере- сы общіе членамъ извѣстныхъ общественныхъ группъ, которыя долго еще будутъ жизнен- ными: какъ коммуна, волость, область, нація, государство.

Конечно, на всю эту эволюцію рабочей партии во Франціи нужно время, но очевидно, что она уже началась съ торжествомъ респуб- ликанскаго порядка: — в рабочихъ союзахъ и конгрессахъ. Значительный шагъ впередъ пред- ставляетъ, какъ мы сказали, и теперешній парижскій конгрессъ. Собрались на него де- легаты отъ 45 синдикальных камеръ и 41 общества съ бол-е или мен-е теоретическою основою организации. О представленныхъ кон- грессу многочисленныхъ рефератахъ еще не- лзя сказать рѣшительнаго приговора, такъ какъ они еще не закончились и тѣмъ мен-е еще напечатаны. По всему видно, что въ нихъ еще абстрактный элементъ преобладаетъ надъ детально-фактическимъ изученіемъ воп- росовъ, которое вообще приходится только со временемъ. Но важнымъ пунктомъ многихъ разсужденій рабочихъ о практическихъ ме- рахъ въ ихъ пользу, проектируемыхъ, какъ самими рабочими, такъ, въ последнее время, и государствомъ, является указаніе значенія, при свободѣ ассоціацій, самоуправляющейся коммуны, какъ естественнаго органа для осуществления этихъ меръ. И дѣйствительно, никакія социальныя реформы, никакой соци- ализмъ ни сверху, ни снизу, не возможенъ безъ самоуправления общинъ, — а для се- лянъ и волостей (кантоновъ), дал-е округовъ, — затемъ, для экономическихъ меръ бол-е широкаго объема, безъ самоуправления провин- цій въ свободномъ же государствѣ.

Подходъ французскаго социальнаго движе- нія къ вопросамъ объ организации всѣхъ этихъ, — собственно политическихъ, — кад- ровъ общежитія, представляетъ по нашему мнѣнію особенный интересъ и для публики въ Россіи, — а потому должно только поже- лать со стороны послѣдней возможно боль- шаго вниманія къ этому движению. Пора, очень пора и намъ выйти по социально-по- литическимъ вопросамъ изъ того, что П. Бруссъ такъ вѣрно называлъ les récita- tions des patenôtres!

БИБЛИОГРАФІЯ.

Календарь „Народной Воли“ на 1883 годъ. Съ при- ложеніемъ двухъ фотографическихъ группъ. Цѣна 3 фр. Женева 1883. 180 стр. in 16. Это очень интересная книжка, какъ по историчес- кимъ матеріаламъ, которые она заключаетъ,

такъ и по отраженію въ ней степени умствен- наго и нравственнаго развитія, и въ частно- сти политическаго образованія извѣстной доли русскаго общества. Историческій матеріалъ, — биографическ. данныя о Г. Гельфманѣ, Грачев- скомъ, С. Перовской и особенно о пресбывающъ Халтуринѣ въ Зимнемъ дворцѣ, — любопытны во всѣхъ отношеніяхъ. Политическія же теоріи и мечтанія, изложенныя въ доставившихся кален- дарю, и частію не напечатанныхъ доселѣ, бу- магахъ бывшаго «Исполнительнаго Комитета» и «Народной Воли», — интересны главнымъ образомъ своею наивною. Извѣстно, что кружокъ «пародновольцевъ», — доказавшій во время своей дѣятельности достойную удивле- ния и подражанія энергію, — былъ очень слабъ по части идейнаго политическаго раз- витія и устойчивости въ политическихъ мнѣніяхъ. Напр., на другой день убійства Александра II, народновольцы высказывали въ прокламаціи къ рабочимъ, теорію о «царѣ добромъ пастырѣ» на- рода, — а черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ къ Александру III-му, перепечатанномъ те- перь въ Календарѣ «Нар. Воли», предлагали русскому самодержцу собрать «учредитель- ное собраніе отъ всего русскаго (только рус- ского?) народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жи- зни», — въ томъ числѣ, значить, и для пере- смотра вопроса о самомъ существованіи цар- ства, и тутъ же требовали такихъ неотъемле- мыхъ личныхъ правъ, какъ свобода слова, пе- чати и т. п., только какъ «временной меры, впредь до рѣшенія народнаго (русскаго) собра- нія», и заявляли торжественно за всю свою «партию», что «она безусловно подпишит- ся рѣшенію (этого) народнаго собранія».

Говоря все это, политики кружка не замѣ- чали, что они сами разрушаютъ свое дѣло, и не подозревали, что наука и практика цивилизованныхъ странъ, начиная еще со времени знаменитаго *déclaration des droits de l'homme*, если не раньше, выработала сознаніе о цѣлыхъ кон- центрическихъ кругахъ правъ личныхъ, обще- ственныхъ, коммунальныхъ, областныхъ, націо- нальныхъ, о которыхъ заинтересованнымъ въ нихъ лицамъ и группамъ нечего и спраши- ваться у какого бы то ни было народнаго со- бранія, т. е. собранія депутатовъ населенія извѣстнаго государства, бол-е или мен-е слу- чайнаго сбора, да еще съ господствующею на- ціональною, — и которыхъ непризнаніе этимъ собраніемъ нисколько не обязательно ни нравственно, ни даже юридически для за- интересованныхъ лицъ и группъ. Немного снустя, «народновольцы» издали прокламацію, въ которой поощряли биты «жидовъ» и затемъ сами же закрепили свою прокламацію.

Это по части внутренней политики. За грани- цей люди этого кружка, правда очень ослаблен- наго послѣдними арестами и казнями, испор- тили дѣло агитации въ пользу помощи жерт- вамъ русскаго правительства и противъ его деспотизма вообще, устроивъ такую стран- ность, какъ «Красный Крестъ Народной Воли», — полу-явное филантропическое отдѣленіе тай- наго политическаго-террористическаго общества да еще съ узурпаціей принадлежащаго уже другой организации имени Красный Крестъ, — и все изъ за дѣтскаго желанія принять видъ правительства и признающей воюющей стороны, — а также поручивъ заграничное представите- льство освободительнаго движенія въ Россіи цело- вѣку, быть можетъ, лично и прекрасному, но крайне псулданному публицисту и совершенно безтактно сошедшему съ несимпатичными европейскому общественному мнѣнію Мостов- сво-феніанскими кружками.

Теперь изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ Календарѣ Народной Воли, оказывается, что кружокъ Нар. Воли, съ такимъ политическимъ развитіемъ и тактомъ, мечталъ не только убить пару — другую бол-е или мен-е высокопо- ставленныхъ особъ, но произвести въ Россіи политическій и социальный переворотъ, захва- тить власть въ свои руки, какъ временное правительство, поддерживать столпное возста- ние возстаніями въ провинціяхъ или по край- ней мере не допустить провинціи подать по- мощь правительству, и даже обесонаситъ воз- станіе въ Россіи отъ помощи со стороны ев-

*) Мы говоримъ это, конечно, о массѣ, — оставляя сторонѣ отдѣльныя личности, которые не могутъ оставить себѣ инаго пути для развитія человѣ- чства, кроме военнаго; такія личности всегда бы- етъ и будутъ, можетъ быть, всегда, но онѣ многочисленными быть не могутъ, при существованіи истора для мирныхъ дорогъ прогресса.

ропейских держав и т. д., и т. д. И всего этого кружок думал достичь главным образом при помощи «своих» людей, помещенных на важных местах в администрации и в войсках, при поддержке «либералов», — для чего совбатовал своим единомышленникам «выслуживаться и вытягивать друг друга», сходиться с либералами и конституционалистами, поднимать уровень развития офицеров, влиять на общественное мнение Европы. Вместе с тем оказывается, что «партия Н. В. действовала в России на молодежь посредством студенческих групп, заливших себя деятельным участием во всех студенческих волнениях», — который, как известно, оканчиваются приведением сотен молодых людей в положение, из коего нигде никуда не «вытянешь» и из коего только и можно «выслужиться», что, говоря языком правительственного, на счет таких лиц, распоряжения (см. «В. С.» № 48) «раскалываем» с его доказательствами. Как могут такие преждевременно выбитые из жизни люди влиять на интеллигентных либералов, равно как и поднимать чей либо уровень развития, начиная со своего, — понять не возможно. О значении таких людей в Европе и говорить смешно!

Впрочем, по отношению своему к молодежи мечты и планы кружка «Народн. Воли» представляют все таки некоторый прогресс сравнительно с таковыми времен Бакунистов, Впередовцев, Набатовых и т. п., которые налегали почти исключительно на «революционную молодежь». Жаль только, что Календарь Н. В. не напечатал упомянутой им на стр. 133 — 134 гектографированной «Инструкции 1881 года об услугах, какие может оказывать учащаяся молодежь революционному делу», а равно и цифр, по которым можно было судить о процентном отношении своих для народновольского кружка людей на скольконибудь важных местах к количеству их между «революционной молодежью».

По вопросу о так наз. терроризме в России очень интересно в Календаре то место, в статье «Подготовительная работа партии», в котором говорится, что «Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих их 10—15 человек столбов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заране (вот в том то и штука!) собранная боевая сила начинают возмущение и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями и т. д. Хотя последние слова и отзываются крайней мечтательностью, при количестве, состав и характер наличных народновольцев, но все же исполнение хоть плана, выраженного в подчеркнутых словах, произвело бы действительно некоторое замешательство в государстве и сильное впечатление на массу, — и хоть скольконибудь заслуживало бы имя терроризма. Но известно, что и на это у кружка народновольцев не хватило средств да и не могло хватить, послѣ всѣх тѣх ошибок, какія были сдѣланы русскими соц. революционерами за послѣднія 10—15 лѣтъ и какія кой-кто указывал имъ (къ досадѣ ихъ авторитетовъ и льстецовъ) уже давно *).

*) Даже покушение на взрыв Зимнего Дворца не совсем подходит под определение уничтожить 10—15 ч. столбов правительства, так как там, при полном успехе замысла, могло быть уничтожено только несколько человек из многочисленной династии; во всяком случае «заране» приговоренных боевых сил, который могли бы воспользоваться моментом» и т. д., никаких не было и тогда. Изъ въ высшей степени интересной статьи Кал. Н. В. о пребывании Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ видно, что «Х—нъ пришел къ мысли протестовать (только!) посредством убийства царя», и что мысль об этом «явилась у него самостоятельно», — а также и то,

А потому весь т. наз. терроризм пока сводится просто на акты — личного самосохранения (уб. шпионов и предателей), рефлективного раздражения (совершенно понятного при тѣхъ насиліяхъ, какія совершаетъ царское правительство), мести и, наконец, демонстрации посредством убийства высокопоставленных и усиленно охраняемых лиц, — но никак не больше. Всего резоннее даже сторонникам этого совсем не-терроризма, — было так и поставить весь вопрос о нем (как и ставил его, напр., мы) — и не возводить этого псевдо-терроризма ни въ политическую теорию, да еще универсальную (как это делалось, напр., въ некоторых брошюрах), ни приписывать къ нему кружковой исключительности под видом дисциплинирования партии, ни особенно суеверных надежд на захват власти и облагодетельствование России временным правительством террористов и пригрозившимъ его эмиссарами народнымъ учредительнымъ собраніемъ. Тогда по крайней мѣрѣ шелъ бы въ этотъ псевдо-терроризмъ только тотъ, кто къ нему чувствуетъ особое призвание, или кому ничего другого болѣе дѣлать не остается, а другіе противники правительства и сторонники народа даже между т. наз. русской соц.-рев. партией работали бы, или (молодежь) готовились бы для дѣла органическаго, для агитации во всѣхъ слояхъ населенія въ пользу свободы, самоуправления и социальныхъ реформъ; тогда бы и въ обществѣ, а особенно въ молодежи, не были бы поддерживаемы отсталыя и вредныя идеи централизации и гегемонизма, въ пользу которых и такъ достаточно много работаетъ въ России императорское правительство съ его офиціозами, отъ Катковыхъ до Пихновыхъ, и противъ которыхъ идей, откуда бы онѣ не шли, обязанъ бороться всякій, кто понимаетъ что такое свобода и развитіе, какъ понимаютъ эти вещи въ цивилизованномъ мірѣ.

Но случилось иначе, — и вопрос о т. наз. «террористической борьбѣ» въ России поставленъ былъ его сторонниками самымъ неудачнымъ образомъ, — и въ этомъ, конечно, всего менѣе виноваты были личности «подпольныхъ» террористовъ, которымъ уже было поздно учиться болѣе здравымъ и болѣе современнымъ политическимъ идеямъ и которымъ некогда было даже оглянуться и на самихъ себя *). Что будетъ дальше, — увидимъ, но думаю, что разъ повторное не повторится и что поэтому русскій «терроризмъ», какимъ мы видѣли его въ послѣдніе годы, — есть явленіе уже отжившее свой вѣкъ и можетъ продолжаться развѣ въ попыткахъ военныхъ конспирацій и демонстрацій. Дѣйствительный же политическій переворотъ въ Россіи можетъ быть совершенъ только земскимъ движеніемъ, которое уже и началось и которое идетъ со-

что псп. ком. отнесся къ плану Х—на не очень-то и внимательно, и рѣшилъ только «вести его какъ резервъ въ сѣти другихъ предприятий», задуманныхъ комитетомъ и, прибавимъ, гораздо менѣе практичныхъ, — и ухватился за проектъ Х—на уже тогда только, когда эти предприятия сорвались и когда исполнение проекта Х—на было испорчено неосторожностью членовъ комитета, у одного изъ которыхъ найденъ былъ доставленный Х—нымъ планъ З. Дворца съ крестикомъ на царской столовой. Интересно, между прочимъ, какъ и въ этомъ случаѣ повторилась вѣчная исторія превосходства личной инициативы надъ глубокомыслиемъ специальныхъ ведомствъ и центральныхъ комитетовъ! По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ лица, близко знакомаго Х—на, члены псп. ком. относились еще болѣе неинтересно къ инициативѣ Х—на (какъ не исходящей съ своего), чѣмъ это изображено въ статьѣ Календаря. Прибавимъ ксати, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, Х—нъ долго былъ «пропагандистомъ-организаторомъ» среди рабочихъ и противникомъ всякаго бунтарско-террористическихъ предприятий, который врядъ ли онъ и потомъ возводилъ въ теорію.

*) Сказанное относится особенно къ тѣмъ, кто прямо заявлять былъ практич. дѣломъ иностранности и пр., — менѣе къ публицистамъ Н. Воли — и еще менѣе къ постороннимъ философамъ р. рев. движенія, особенно заграничнымъ.

всѣмъ не по централистической дорогѣ. О попыткахъ дворцовыхъ переворотовъ, — возможныхъ, конечно, со стороны лицъ, приближенныхъ ко двору, а вовсе не «инициаторовъ», — мы не говоримъ, какъ о вещи совершенно особой, хотя и очень вѣроятной, при продолженіи нѣлаго во всѣхъ отношеніяхъ правленія Александра III. Но во всякомъ случаѣ сомнительно (если только сомнительно!), чтобы люди, въ рядѣ теперешнихъ р. революционеров попадали во временное правительство придворныхъ заговорщиковъ и даже чтобы они пригодились послѣднимъ, какъ орудіе.

Помѣщенная во II - мѣ же, историко-литературномъ отдѣлѣ Календаря, статья г. П. Лаврова «Взглядъ на прошедшее и будущее русскаго социализма» (единственная подписанная статья въ Календарѣ) представляетъ весьма разнообразную историко-литературную энциклопедику, довольно смѣло разсчитанную, то на легковѣріе, то на незнаніе, то на короткую память читателей, между прочимъ, и на то, что никто, прочитавши эту статью, не взглянетъ даже въ «Впередъ», — то на скромность тѣхъ, кого теперь задѣваетъ почтенный полковникъ-профессоръ съ свойственною ему тактикой случаевъ галантерейности обращенія. Для того, чтобы помочь читателямъ одѣять настоящую статью г. Лаврова, мы могли бы ограничиться нѣсколькими выдержками изъ перовой статьи, помѣщенной въ 13 № «Впередъ» за 1875 г., по вопросу, который сталъ особенно жгучимъ въ послѣдніе годы. Названа она «Социально-революционная и буржуазная нравственность». По этой статьѣ выходитъ, что почти всѣ публичные проявленія дѣятельности р. революционеров за послѣдніе 4—5 лѣтъ, и особенно почти всѣ поводы къ р. политическимъ процессамъ послѣдняго времени, — будь то проявленія буржуазной, а не социаль-но-революционной нравственности.

«Вы говорите, — обращается редакторъ «Впередъ» къ «буржуазному міру», по поводу нѣкоторыхъ указаний въ Зап. гр. Палена, бросавшихъ тѣнь на кой-какіе р. соц. кружки, — «вы говорите о насъ: это убійцы и грабители. Но вы ошибаетесь. Мы — создатели царства справедливости и во имя справедливости мы должны посылать войну иначе, чѣмъ вы ее понимаете. Для насъ огромное большинство людей, стоящихъ даже не въ нашихъ рядахъ и подозрительно или недоброжелательно смотрящихъ на насъ, состоитъ изъ нашихъ возможныхъ братьевъ, а жизнь каждого изъ насъ возможнаго брата для насъ должна быть дорожее собственной жизни (Слушайте, слушайте!). Мы борцы за царство труда, и во имя царства къ труду, для насъ всякое изувѣщество, заслуженное трудомъ должно быть гадко и отвратительно.

«И потому, господа защитники буржуазной нравственности, мы не можемъ вести войну нашими средствами, не впадая въ противорѣчіе съ собственными нравственными требованіями... и убійство, и грабежъ нравственнымъ быть не могутъ... Социалистическая справедливость говоритъ своимъ борцамъ: мнѣ не нужно ни жизни отдѣльных ничтожныхъ личностей, ни богатства отдѣльных мелкихъ грабителей. Мнѣ нужна социальная революція, полное и всеобщее разрушеніе стараго міра, полная и всеобщая побѣда. Ее не купишь жалкой добычей, которую можно отнять у одного хищника... Строитель царства труда и справедливости... живи трудомъ... борись не противъ людей, а противъ принципа... Ты не имѣешь права пачкать твоего дѣла ни однимъ преступленіемъ, который могъ бы бросить тѣнь на это дѣло... Употребляй всѣ свои силы, все свое время на полевое сраженіе социальной революціи и знай, что одно и то же слово пропаганды, которое приобѣщаетъ тебѣ двухъ—трехъ новыхъ братьевъ, во сто разъ цѣннѣе въ процессѣ приготовления социальной революціи, чѣмъ жизнь самого опаснаго врага... Знай, что пропаганда, придиравшая на одинъ день наступленіе социальной революціи, принесетъ болѣе выгоды страдающему человечеству, чѣмъ захватъ милліона, переданнаго въ ряды революционеров, который, при нынѣшнихъ привычкахъ, черезъ руки которыхъ онъ проходитъ».

Не безынтересно было бы привести въ

держки и изъ послѣдняго №-ра «Впередъ» за 1876 г., — въ которомъ старый редакторъ рекомендуетъ публикѣ новую редакцію, о коей есть нѣсколько словъ и въ статьѣ г. Лаврова въ Календарѣ, далеко не столь сладкихъ, и въ которомъ, главное, старый редакторъ оставляетъ свое завѣщаніе о вредѣ «бунтарства», изъ котораго выродился послѣдующій «терроризмъ», — но пусть читатель уже самъ пощипетъ эту статью въ 48 № «Впередъ».

По человѣчеству, конечно, очень жалко видѣть, какъ старый писатель, не только достойный лучшей участи, но, главное, обремененный и вынужденный болѣе достойную функцію передъ молодыми людьми, играть роль Полонія при соединенномъ дворѣ Шамбуровъ, Орлеановъ и Плонъ-Плоновъ разныхъ, по большей части отставныхъ, россійскихъ кружковъ, единство которыхъ само-то держится главнымъ образомъ только общей имъ ненавистью къ свободѣ критики и къ идеѣ самоуправленія, и, какъ онъ показываетъ языкъ тѣмъ самымъ идеямъ и лицамъ, передъ которыми онъ еще очень недавно сладко улыбался, и улыбается тѣмъ, кому показывалъ языкъ, — но для объективнаго фізіолога общества и это тяжелое зрѣлище очень поучительно.

Мы не имѣемъ теперь мѣста и времени много говорить съ г. Лавровымъ по поводу его статьи въ «Календарѣ Н. В.» и прибавимъ къ сказанному только слѣдующее: г. Лавровъ находится теперь въ странѣ, которая пережила столько революцій и *coups d'état*, въ которой идетъ теперь такое живое движеніе надъ выработкой программъ политическаго и социальнаго переустройства. Пусть же онъ сравнитъ эти программы съ планами «Народной Воли» и ея «Календаря», и онъ долженъ будетъ сказать авторамъ и сторонникамъ этихъ послѣднихъ, что эти планы, — мѣшанина якобинщины съ бонапартовщиной, — при теперешнемъ состояніи политической мысли въ зап. Европѣ, суть ничто иное, какъ плоды жалкаго недомыслия и отсталости на 40 — 50 лѣтъ, если не болѣе. Далѣе: русские революціонеры, конечно, искренно желаютъ склонить европейское общ. мнѣніе на свою сторону. Г. Лавровъ одинъ изъ людей, которые могли бы взяться за эту работу, — которая отчасти даже прямо поручена ему. Пусть же онъ объяснитъ своимъ русскимъ молодымъ друзьямъ, напр., хотъ такую вещь, почему это многіа европейскія социалистическія газеты начали знакомить свою публику съ послѣднимъ петерб. полит. процессомъ, по сообщенію (по Times и Ind. V.) даннаго изъ обвин. акта и перваго засѣданія, — да и оборвались: пока дѣло шло объ энергіи подсудимыхъ, все было прекрасно, а какъ дошло до ихъ политическихъ идей, — такъ и наступилъ конфузъ! И это не въ первый разъ, — а повторяется почти всегда въ такихъ случаяхъ, начиная съ исторіи заказанной невѣрующими «нигилистами» *messe funèbre* (по живому словѣ!) *dans la Cathédrale de Notre Dame de Kazan*. Но вмѣсто того, чтобы сообщить своимъ молодымъ друзьямъ, блуждающимъ во тьмѣ, сгущенной около нихъ царской цензурой, результатовъ наблюденій надъ жизнью и мыслию въ цивилизованномъ мірѣ (единственный теперь смыслъ эмиграціи, выѣзъ заботъ о личной безопасности), г. Л. конфузится и за то количество свѣта, которое все же заключалось въ первоначальномъ «Впередѣ», при всемъ его доктринерствѣ и — все такъ эквилибристикѣ! Такъ, напр., имѣя въ виду споры, поднятые статьѣй первой книги «Впередъ» по вопросу, — я теперь одному изъ важнѣйшихъ въ Россіи, — «Знаніе и революція», отъ началъ которой статьи собственно еще «Впередъ» малодушно отказался, — г. Л. въ Календ. Н. В. усиливается замазать этотъ вопросъ слѣдующими утѣшительными рѣчами: «полемика противъ пріобрѣтенія знаній потеряла смыслъ, когда Шляевъ и Кибальчичи сдѣлались необходимыми элементами крупнѣйшихъ террористическихъ предпріятій» и т. д. Ахъ, г. Лавровъ! — да еслибъ миноносцы и бомбоустройственыя знанія были достаточны для приготовления хорошаго политика, тогда бы ген. Барановъ былъ прекраснѣйшимъ градоначальникомъ, а гр. Тотлебенъ либеральнѣйшимъ генералъ-губернаторомъ! Между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы видимъ, что, напр., для того, чтобы выработать себѣ и другимъ толковую политическую программу для Россіи, мало даже зазубрить формулы Маркса, — о которыхъ говоритъ г. Лавровъ далѣе (и говоритъ, замѣ-

тимъ, противъ себя, не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ), — а нужно знать еще кой что, — даже до этнографіи и народныхъ «традицій» включительно. Печеніе же къ основательному изученію которыхъ, при политическомъ зудѣ и привычкахъ національнаго самохвальства, приводитъ только къ такимъ наивностямъ, какова, напр., статья Г. Т. «Впередъ» «1773—1873», въ которой Пугачевская самозванщина поставлена выше С. Американской революціи, — и какія остались еще и въ послѣдней статьѣ г. Лаврова, даже послѣ всѣхъ даннѣхъ ему уроковъ русской и всеобщей исторіи!

Бѣда бы не была велика, если бы все дѣло ограничивалось панчеганіемъ наивности въ такихъ изданіяхъ, какъ «Впередъ», — но сколькожъ жизни стоили и какое ошибочное направленіе дали всему народолюбивому движенію въ нашей молодежи за 10 — 15 лѣтъ увѣренія подобнаго редактору «Впередъ» знатоковъ русской исторіи и этнографіи о томъ, что Ст. Разинъ и Пугачевъ были социальные революціонеры и что почитающій будто бы ихъ традиціи народъ готовъ сейчасъ стать подъ знамя Ингеріаціала!! Съ грустью думаемъ о томъ, во что могутъ обойтись новыя наивности (въ сущности набатскія), къ которымъ наивно приспосабливается г. Лавровъ въ своей послѣдней статьѣ, и грусть эта мѣшаетъ намъ загадывать о томъ, какую новую программу будетъ восхвалять г. Лавровъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда новонабатскія программы редакторовъ Кал. Н. В. окажутся столь же состоятельными, какъ и программы русск. социалистовъ 70-хъ годовъ!

Третій и послѣдній отдѣлъ Календаря Н. В., — справочный, оканчивается «Библиографіей вольной прессы». — Библиографія эта составлена все съ тою же несчастной наклонностію играть въ настоящее правительство, которая уже вынула не одинъ ложный шагъ разнымъ кружкамъ русскихъ революціонеровъ, а особенно народновольцевъ, тѣмъ болѣе, что они въ такихъ случаяхъ, какъ дѣти, у которыхъ еще матернее молоко на губахъ не обсохло и которые, однакожъ, корчатъ изъ себя большихъ, неизбежно копируютъ домашніе образцы. Издатель Календаря Н. В., видите ли, чувствуетъ себя признаннымъ не просто перечислитъ заглавія изданій «вольной прессы», но и «предостерегать своихъ читателей отъ вредныхъ для дѣла (какого? или, м. б., лучше: чьего?) изданій».

Когда то, во время повсемѣстнаго господства теоріи «объ ограниченномъ разумѣ подданныхъ» (*der beschränkte Unterthanengeist*), подобныя заботы брало на себя всякое правительство, но теперь даже изъ дѣйствительныхъ правительствъ при подобныя претензіяхъ остались только паиска канцелярія да русское министерство народнаго просвѣщенія. Предостерегаютъ своихъ подданныхъ Календарь Народной Воли, конечно, прежде всего отъ непокорныхъ «Громады» и «Вольнаго Слова», причемъ въ опредѣленіи языка «Громады» оффиціозы Календаря, какъ и ученый г. Лавровъ, обнаруживаютъ чрезвычайно характеристическое совпаденіе съ «Прав. Вѣстникомъ», называя его «малороссійскимъ парфчіемъ» и подавалъ тѣмъ надежду, что со временемъ сойдется и съ столь же ученымъ, но болѣе смѣлымъ лингвистомъ, г. Пихномъ, который называетъ этотъ языкъ «говоромъ». (Пока библиографъ Календаря обнаружилъ такое знакомство съ этимъ «парфчіемъ», что принялъ панчеганію на немъ книжку «*Marija maty Isusowa*» за польскую!)

Проклятіе «Громады» и «Вольнаго Слова», впрочемъ, вполне гармонируетъ съ поистинѣ дьячковской идеей начать Календарь Н. В. своего рода социально-революционными свѣтами, въ которыхъ бѣдный Герценъ попалъ въ одну компанію съ Нечаевымъ, а Шевченко съ чигиринскими самозванцами, подведенными землемовъ честнаго украинца въ Сибирь, подсунувъ имъ подложный манифестъ отъ ненавистнаго Шевченку царя, — и въ которыхъ свѣтахъ, не знаемъ почему, не записанъ г. Другъ-Молчановъ*). Всякіе свѣтцы требуютъ молитвы и заклинаній отъ діавола, а такимъ

*) Остроумію составленія свѣтцевъ соответствуетъ нарочито неумѣлое составленіе фотографическихъ группъ въ началѣ Календаря.

діаволомъ давно уже служить для жреческихъ натуръ въ русскихъ консервативныхъ, какъ и революціонныхъ кружкахъ «Громада» и «Вольное Слово». Для болѣе вѣрной побѣды надъ діаволомъ, издатели женевско-русскихъ свѣтцевъ не ограничились библиографическимъ отзывомъ объ его изданіяхъ, — отзывомъ, въ которомъ, конечно, показано ровно столько же знанія дѣла и добросовѣстности, сколько это обыкновенно бываетъ въ поповскихъ причтеніяхъ отъ лукаваго, — ни даже не удостоившись двумя кондаками (такими же качествами) въ аканѣстѣ г. Лаврова*). Они прибѣгли еще къ помощи духовныхъ особъ сосѣдняго прихода (изъ коихъ нѣкоторые еще въ недавнее время призывались на эпитимію въ консисторію «Народной Воли»), иначе сказать, — перепечатали въ Календарѣ Н. В. заклинательный канонъ блаженныхъ чернопредѣльцевъ и чудотворцевъ чигиринскихъ (гг. П. Аксельрода, Л. Дейча, Г. Плеханова), которые не пожалѣли, для своихъ личныхъ цѣлей, поставить и В. И. Засулччъ въ печальное и невыгодное для «партіи, которую она представляетъ», положеніе — заслуженнаго имени, которымъ прикрываются весьма неблаговидныя продѣлки. Мы говоримъ о перепечаткѣ въ Календарѣ Н. В. прошлагодняго «Открытаго письма къ господину Драгоманову», подписаннаго названными сейчасъ господами и оставленнаго адресатомъ безъ отвѣта, какъ потому что претензіи этого письма вообще не литературнаго характера, такъ и для собственноручной подписи, его подписавшихъ, — кроме одного, выше не названнаго, ни къ какимъ личнымъ мотивамъ, замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ, не причастнаго. Давалъ обстоятельный отвѣтъ на это письмо (котораго авторовъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ строго отдѣлять отъ русскихъ социалистовъ революціонеровъ вообще и даже не называть, какъ это очень неосторожно дѣлаетъ редакція Календаря Н. В., «представителями нашей эмиграціи»), намъ пришлось бы опубліковать нѣкоторыя письма къ намъ, которые бы объяснили исторію одной программы и одной клеветы, но мы предпочитаемъ предоставить это дѣло редакціи «Женевско-Русской Старины» черезъ 30 лѣтъ. Теперь же для любителей скандала болѣе, чѣмъ достаточно, какъ самаго «Открытаго Письма», такъ и тѣсно связанной съ нимъ брошюры г. В. Черкезова «Драгомановъ изъ Гадича и пр.», — автора которой редакція Календаря Н. В. имѣла догадливость тоже помѣстить въ свои свѣтцы подлѣ Перовской и др.

Впрочемъ всѣ вышеупомянутыя заклинанія діавола въ Кал. Народной Воли, совершенно даромъ потерянное масло, такъ какъ пора бы уже убѣдиться, что діаволъ вообще живучъ, — а во вторыхъ, и пасомые теперь стали куда умнѣе противъ прежняго и начинаютъ соображать, что Люциферъ, дерзко освѣщающій (или, по г. Лаврову, денегрирующій) закоулки всякихъ Олимповъ и Парнасовъ и непрестанно пригласающій людей самостоятельно вкушать отъ древа познанія добра и зла, — собственно и есть настоящій доброжелатель простыхъ смертныхъ. Да то ли еще! Теперь даже и религіозные люди начинаютъ понимать, что всякій культъ не приноситъ никому выгоды, кромѣ жреческаго причта, а религію только губитъ; теперь даже царь, — кромѣ, конечно, петербургскихъ, — понимаютъ, что придворные льстецы и чиноупки, доносящіе, что молъ во вѣрной мнѣ части все обстоитъ какъ наилучше, — гораздо болѣе вредны для троновъ, чѣмъ даже дѣйствительно злонамѣренныя денегриаторы.

Въ заключеніе о справочномъ отдѣлѣ Календаря Н. В. скажемъ, что сколько нибудь нравственно развитые читатели его, конечно,

*) Для г. Лаврова «Громада» — «иностранный», потому что не советуетъ украинцамъ записывать свои руки и мозги исключительно въ коробку Россійской имперіи и забывать своихъ братьевъ за ея стѣнами, а «Вольное Слово» — «анти-социалистическое», потому что вмѣсто того, чтобы «вычитывать Отчепашъ», взяло давать реальныя картины рабочаго и крестьянскаго движенія и положенія въ зап. Европѣ и Россіи.

оцѣнить по достоинству помѣщенную въ немъ справку для государственной полиціи объ имени бывшего редактора «В. Слова», а знатоки женева-русской печати, конечно, удивятся, почему это священная канцелярія Календаря внесла въ свой Index librorum prohibitorum и газету «Правда» г. Климова, которая цѣлкомъ могла бы помѣститься въ Календарѣ Н. В. и въ его политической, и въ справочной части, между прочимъ, и по причинѣ ея усердія въ заклинаніи «В. Слова» и его нѣпѣшняго редактора.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Новый видъ политическихъ арестовъ. Изъ Одессы передаютъ, что тамъ практикуется совершенно новый видъ пол. арестовъ, а именно хватаютъ людей уже совершенно безъ разбору, на всякій случай, и близкихъ къ арестованнымъ утѣшаютъ, что захваченные будутъ выпущены послѣ коронаціи и будто бы даже безъ всякихъ для нихъ послѣдствій. Въ числѣ такихъ арестованныхъ есть не только учащіеся, но и учащіе и вообще дѣловые люди: и дѣло подождетъ до послѣ коронаціи!

Къ варшавской студенческой исторіи. «Nowa Reforma» помѣщаетъ обширныя корреспонденціи о судахъ надъ варшавскими студентами. Къ университетскому суду привлечено было 201 чел. (165 католи., 28 евр., 6 правосл.); изъ нихъ исключено 128, въ т. ч. на три года 34. Изъ послѣднихъ нѣсколько человѣкъ арестовано. Ст. Рымша, объ арестѣ котораго сообщалъ нашъ варшавскій корреспондентъ («В. Слово» № 60), приговоренъ гражданскимъ судомъ къ 10 дн. аресту. Много студентовъ выѣзжаетъ за-границу, особ. въ Бреславль. Слѣдуетъ ли прибавлять, что Александръ III, давая г. Анухтину орденъ и сопровождая его рескриптомъ съ похвалою трудамъ А.—на «къ тѣмъ же» объединенію Привислянскаго края съ имперіей» (читай: къ обрусенію),—придать варш. студ. исторіи широкое политическое и національное значеніе?

Дешевое шпіонство. Всѣмъ, думаемъ, извѣстно, какиѣ опасностямъ и шikanамъ подвергается теперь въ Россіи учащаяся молодежь. Вотъ почему многіе именно консервативные родители теперь рады выпроводить сына или дочь учиться за границу, куда ѣдутъ теперь и сами молодые люди, которые понимаютъ горечь корня ученія въ Россіи. Но отечественные порядки не дадутъ имъ покоя и за-границей. Здѣшніе центры имѣютъ своихъ русскихъ шпіоновъ, которые, конечно, какъ истые російскіе чиновники, дѣлныя исполнять свое дѣло, — и вотъ они придумываютъ легкіе способы шпіонства, — въ родѣ того, какой продолжалъ, какъ мы узнали положительно, «женевскій агентъ № 2-й». Онъ взялъ списокъ бернскихъ студентовъ изъ Россіи, да почти весь и представилъ по начальству, какъ списокъ членовъ революціоннаго кружка! Русскіе родители, — куда же вамъ спрятать своихъ дѣтей?

Изъ Петербурга сообщаютъ намъ, что тамъ въ правительственныхъ сферахъ идетъ ченуха и чехарда невообразимая. Въ виду коронаціи взаимное подставленіе пожеетъ и жажда наградъ достигли крайняго напряженія. Го-

ворять, что послѣдняго рода жажда будетъ удовлетворена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но что и на министерскихъ мѣстахъ будутъ перетасовки: такъ, между прочимъ, на мѣсто г. Бунге, — у котораго дѣльцы не зѣваютъ, — будетъ такъ назначенъ г. Новосельскій, самъ дѣлецъ. Говорятъ также, что по поводу приготовленій къ коронаціи открыта покража коронныхъ брилліантовъ.

Къ свѣдѣнію объ одесскомъ полит. процессѣ 26-ти напечатаны очень интересныя корреспонденціи въ 82 и 84 №№ «Dziennika Poznańskiego». Изъ нихъ видно, что главную помощь къ открытію одесскихъ кружковъ оказалъ Меркуловъ, одинъ изъ судившихся въ петербургкомъ процессѣ 20-ти въ 1881 году. Указанія Меркулова дали поводъ къ арестованію 95 дунъ и открыли всю систему организаціи одесскихъ революціон. кружковъ: 2-хъ городскихъ, вокзальскаго, слободскаго, солдатскаго и интеллигентнаго. Послѣдній руководилъ другими; члены его имѣли бланки исп. комитета для сбора денегъ. Они же устраивали конференціи и раздавали извѣстной тенденціи изданія, домашнія и женевскія, напр., «Громаду». У указаннаго Меркуловымъ Майера найденъ былъ въ Бессарабіи складъ запрещенныхъ изданій: русскихъ, украинскіхъ и польскіхъ. По Меркулову же, въ Одессѣ было задумано покушеніе на гр. Тотлебена, но признано было безполезнымъ. Ген. Гурко передъ процессомъ дѣлалъ докладъ царю о настроеніи одесскаго ген.-губернаторства, котораго духъ, по его наблюденіямъ, очень «неблагонадеженъ». Г. Гурко жалѣетъ, что изъ 95 арестованныхъ только 26 отдано подъ судъ, 60 же выслано административно въ В. Россію и Сибирь, а остальные отданы только подъ надзоръ. По его мнѣнію, впредь нужны большія строгости и предоставленіе ген.-губернатору болѣе широкихъ правъ (еще??! да куда же?) по высылкѣ заподозрѣнныхъ лицъ.

Изъ Львова, въ Галиціи, намъ сообщаютъ, что тамъ, во время недавняго суда надъ 26 мѣстными социалистами (8 русиновъ, остальные поляки), появилась прокламація, въ которой, между прочимъ, предсказывается, что преслѣдуемые правительствомъ социалисты должны будутъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, въ родѣ тѣхъ, которыя практикуются за-границей, гдѣ будто бы при грохотѣ динамита раздается крикъ: «пролетаріи разныхъ странъ, группируйтесь!» Прокламація эта будто бы имѣла въ виду повліять на судъ, вызвавъ у него уменьшеніе наказаній подсудимымъ, — но, конечно, достигла противнаго: у подсудимыхъ сдѣланы были новые обыски, при чемъ открыты указанія, будто одинъ изъ нихъ, называвшій себя австрійцемъ, — русскій подданный; 24 подсудимыхъ приговорены къ тюремному заключенію на сроки отъ 8 мѣсяцевъ до 7 днѣй; наказаніе это, — ничтожное по російскимъ обычаямъ, въ Австріи все же считается тяжкимъ, а потому мѣстные социалистическіе кружки недовольны имъ, какъ равно и прокламаціей, — послѣднюю тѣмъ болѣе, что она помѣчена «Социалисты Восточной Галиціи», а на печатн: «Социалистическій исполнительный комитетъ»; между тѣмъ какъ боль-

шая часть сколько нибудь извѣстныхъ соц. Вост. Галиціи не имѣла о ней никакого понятія до ея появленія. Вообще въ Галиціи съ социалистической организаціей дѣлаются дивныя вещи: тамъ все таки существуетъ рабочая газета, есть извѣстная свобода, при которой можно бы было мѣстнымъ социалистамъ собраться на митингъ и выработать теоретическую и практическую программу, которую и заявить открыто, собирая около нея рабочихъ и крестьянъ. Въмѣсто того, тамъ появляются конспиративно-анонимныя программы, которыя печатаются какими-то уполномоченными, которые не слушаютъ полномочій и воровчатъ, какъ хотятъ, партіоннымъ именами, — и наконецъ тамъ появляются такіе сюрпризы, какъ упомянутая прокламація! И масса галицкихъ социалистовъ въ виду всего этого не подаетъ своего голоса!

Новости женева-русской печати: Не знаю къ кому. Открытое письмо бывшего редактора «Вольнаго Слова». Аркадія Малышннскаго. 16 стр. Цѣна 50 с.

Налемный трудъ и капиталъ. Карла Маркса. Переводъ съ нѣмецкаго изданія 1880 г. Съ двумя приложениями. 54 стр. Цѣна 75 с. (Русская социально-революционная бібліотека. Книга четвертая).

Опытъ социологін. О. Че—ка. Цѣна 7 фр. 50 с.

Восемьнадцать лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ. З. С. Цѣна 1 фр. 50 с.

Поправка. Въ №-рѣ 60 мы сообщили депешу «Journal de Genève» объ исполненіи смертной казни надъ Богдановичемъ и Бувеничемъ. Извѣстіе это оказывается преждевременнымъ. Но какова мука ждать такъ долго рѣшенія о своей смерти!

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Настоящій №-рѣ «В. Сл.» запоздалъ своимъ выходомъ, какъ по причинѣ скопленія трудно раздѣлимыхъ матеріаловъ, такъ и потому, что редакція ожидала полученія важныхъ для нея сообщеній изъ Россіи. Ожиданіе это, по неизвѣстнымъ причинамъ, пока не оправдалось. По этому выпускъ слѣдующаго №-ра откладывается на неопредѣленное время. Мы считаемъ для себя тѣмъ болѣе позволительною такую отсрочку, что мы выпустили цѣлый рядъ №№-въ въ увеличенномъ объемѣ, имѣя въ виду закончить печатаніе извѣстнаго круга матеріаловъ передъ наступленіемъ вакацій въ Россіи и предъ коронаціей.

НАЧАТО ПЕЧАТАНІЕМЪ:

ПОЛІТИЧНІ ПІСНІ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ XVIII—XIX СТ.

З увагами М. Драгоманова. Вип. 2-й.

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève, Imprimerie de La Parole libre, Chemin Dancet, 13